



Борис Цеханович
Проект "Колония"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Цеханович
Проект «Колония»

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цеханович Б. Г.

Проект «Колония» / Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Травма головы - и офицер уволен на пенсию, но в тоже время из-за травмы получил возможность открывать Портал в глубокое прошлое Земли, которое нужно осваивать. Но он один, небольшая военная пенсия, нет богатых друзей и покровителей. Рискуя оказаться в рабстве у криминальных структур или у коррумпированных чиновников, он все же сумел занять и освоить новую Землю, несмотря на трудности и опасности....Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	47
Часть вторая	60
Глава 1	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

До показательных занятий оставалось несколько дней и я мог позволить себе пешком и спокойно пройти по учебным точкам, который готовил мой батальон на полигоне и где мы и будем показывать эти самые занятия для генералитета. День стоял отличный. Наконец-то схлынула изнуряющая жара и с северного направления повеяло лёгкой прохладой, отчего я с превеликим удовольствием шагал по затравенелому полигону от одной учебной точки к следующей. Везде слаженно кипела работа и мы даже опережали график, что настраивало всех, в том числе и меня, на оптимистический лад.

До последней и самой дальней учебной точки оставалось пройти километра два, откуда уеду в лагерь на обед на БМП. Но в то же время, уже с лёгким беспокойством поглядывал в сторону охерено чёрной грозовой тучи, неуклюже вылезавшей из-за горизонта, гадая про себя – Успею или не успею дойти до своих бойцов, чтобы там укрыться от дождя?

Если, конечно, побегу – то успею.... Но бежать не хотелось и я лишь ускорил шаг, хотя уже доносившийся солидные раскаты грома настораживали. Да и частые, даже можно сказать непрерывные удары молний, направленные чётко вниз и почти достигавшие поверхности земли, не расслабляли, а начинали слегка тревожить. Так что, пройдя пару сотен метров, пришлось перейти на бодрую рысь, тем более что прохладный, и уже с изрядной долей сырости ветер, усилился и дул теперь в спину, помогая бежать. Но когда в очередной раз оглянулся назад, то с удивлением чертыхнулся – туча, каким-то невероятным способом разрослась и приблизилась настолько близко ко мне, что я уже ломанулся изо всех сил, потому что нехило испугался. Дождь то ладно, промокнем и это ерунда, но вот плети молний... И грохот грома... Тут забеспокоился не только о себе, но и о подчинённых на точке. Туча с молниями прямо пёрла туда.

Я уже понимал – не успею, но всё равно удовлетворённо хмыкнул: – Не..., шалишь...!!! Успею... Молодцы, парни, хоть и на полигоне, а не на войне, но наблюдение ведётся чётко.

От учебной точки, в мою сторону мчалось зелёное БМП, подымая длинный шлейф белой пыли, пригибаемой ветром к земле. А когда до него оставалось метров сто, непонятно откуда пришла мгновенная и жгучая мысль понимания конца: – Чёрт..., не успел. Это звиздец!!!!

Даже в последний миг жизни успел увидеть мертвенный отблеск молнии и наступила чернота....

Этот был ПОСЛЕДНИМ.... из четырёх эшелонов, прибывших сегодня. Но первым трём повезло и они более менее благополучно прибыли к нам и сейчас выгрузка людей и их багажа уже заканчивалась в трёх километрах отсюда на Сортировке. А этот прорвался к нам с боем, в самый последний момент.

Длинная..., длиннющая гусеница железнодорожного состава тягуче медленно вытаскивала своё бесконечное тело из чёрного зева туннеля огромного сооружения промышленного вида с помощью двух, когда-то зелёных и чистеньких тепловозов. Когда-то... Сейчас они были покрыты толстым слоем копоти, пыли, на которых ярко горели пятна рыжей ржавчины. Самый первый, вдобавок, лениво и жирно горел, распространяя далеко вокруг себя запах горелой изоляции и эшелон еле тянул по сути только второй тепловоз. Тоже весь прострелянный в многочисленных пробоях – старых и новых, поблёскивая на солнце остатками разбитых стёкол и мокрыми боками от стремительно тающего снега. Не лучше выглядели и пассажирские вагоны, с десятков товарных, а сзади них бесчисленные открытые платформы, заполненные гражданским людом и их багажом. Правда, среди пассажирских сразу выделялись десять новеньких вагонов, но и они несли на себе отпечатки обстрелов. И точно также были разбиты стёкла, в стенах с обеих сторон зияли пробойны от пуль и выстрелов из гранатомётов. Но пять вагонов были хоть и повреждены, но имели явно бронированные стенки и пуленепробиваемые стёкла,

покрытые сетью белых, крошёного стекла пятен от пуль, сумевших удержать удары и сохранить жизнь и здоровье находящихся внутри людей.

Дойдя до танка, стоявшего на путях, состав с последним громким и резким металлическим лязганьем сцепок остановился и с остановкой прекратился и огонь с последней платформы. Но теперь вооружённые люди нацелили своё оружие на оцепление, в двухстах метрах по обе стороны железнодорожного полотна и от эшелона, в наступившей относительной тишине, донеслись крики боли, страха и безнадёги людей, только что вышедших из-под обстрела.

А эшелон всё тянулся и тянулся, постепенно втягиваясь весь в кольцо оцепления войсками. Наконец-то показалась последняя платформа, с которой вооружённые люди вели беспорядочно-плотный огонь в чёрное пятно распахнутых ворот, откуда они только что вынырнули. Стрельба была по сути уже бессмысленной, так как эшелон находился на безопасной территории, но туда, в темноту зева, всё равно били из всех стволов.

– Внимание! – Раздался громкий металлический голос репродуктора, – Внимание! Вы прибыли и находитесь в полной безопасности на земле Колонии. Для вас всё плохое уже закончилось. Просим вас соблюдать порядок. Через несколько минут к эшелону подойдут автобусы и вас отправят в пересыльный лагерь....

– АААаааа..., суки, не обманете... Не возьмёте...., – на последней платформе человек десять активно засуетились у пулемётов, а ещё через несколько секунд они открыли огонь в сторону оцепления, которое сразу же залегло или скрылось за бронированными машинами и в высокой степной траве.

– Немедленно прекратить ОГОНЬ! – Рявкнул командирским голосом электроматюгальник, но пальба только усилилась и к первым открывшим огонь, присоединились ещё несколько человек.

– Прекратить ОГОНЬ! Или мы открываем огонь на поражение..., – но у стрелявших явно сдали нервы и они продолжали горячечно молотить.

От оцепления разом ударило несколько пулемётов и густой роль трассеров прямо выбил с платформы на насыпь около десятка человек, что сразу же прекратило огонь с той стороны, а доносившийся вой от эшелона только усилился....

Часть первая

Глава 1

Перед тем как зайти под навес, где меня ждали, я остановился на некоторое время и посмотрел с высокого холма на лесистую равнину, заполненную колоннами техники, палаточными городками, пунктами распределения, войсками, расположенными вдоль наспех построенных дорог, тянувшихся за горизонт. Всё это было временным и предназначалось лишь одной цели – большому «Хапку». Это когда нужно было вычистить за сутки полуторамиллионный город. Не только вывезти оттуда материальные ресурсы, но и по максимуму забрать людей.

По такому случаю я был в военной форме и при своих полковничих погонах: – Товарищи офицеры! – Подал команду мой зам, тоже в военной форме, и все встали, застыв в стойке «Смирно!», даже гражданские.

– Товарищи офицеры! – Подал команду, выждав секунду и обежав быстрым взглядом соратников.

Дождавшись, когда все сели, начал совещание: – До начала осталось 30 минут, поэтому ещё раз быстро пробежимся по готовности и по местам. Разведка?

Из-за первого стола поднялся плечистый майор: – Разведка готова и каждый знает свою задачу.

– Хорошо. Связь и операторы? – Майор сел, вместо него поднялся худощавый гражданский.

– Операторы готовы, находятся вместе с разведчиками. Убывают с ними и в течение первых тридцати минут устанавливают камеры и выводят картинку на центральный пульт, – и кивнул на целую стену мониторов, расположенных в дальнем конце.

– Пересыльные пункты?

– Готовы.

– Лагерь №1?

– Готовы к приёму контингента...

– Лагерь №2?

– Готовы...

– Лагерь №3?

– Готовы...

– Готовы...

Вскоре, спрашивать было не о чем и только и оставалось сказать: – Что ж... По местам и с Богом, – и через пять минут под навесом остались лишь суетящиеся техники около центрального пульта, заместитель по работе с прибывающим населением, ещё один зам, который будет тут всем рулить в моё отсутствие и несколько офицеров для решения непредвиденных задач. У каждого в подчинении была рота.

Хоть вида не подавал, но внутреннее волнение присутствовало. Нас здесь было всего семь тысяч человек, а там полтора миллиона, мотострелковая дивизия, стоявшая на противоположной окраине города, несколько тысяч полицейских, спецназ, подразделения МЧС, внутренние войска...

И вроде бы со всеми заранее договорились, и знали, что мешать они нам не будут. Да и сами они были заинтересованы, чтобы всё прошло нормально и без эксцессов. Тем более, что многие согласны уйти сюда. Даже власти страны были заинтересованы в успехе нашей операции... Но, как всегда, могут вылезти любые неожиданности, даже совершенно на пустом месте.

Вдали взлетела гроздь ракет, тут же в километре возник в воздухе огромный, сиреневый ореол Портала, внутри которого проглядывались далёкие городские окраины, покрытые снегом – Операция началась.

Около Портала возникло приличное облако пыли – Разведка пошла вперёд. А я отметил про себя – следующий раз надо решить вопрос с пылью. Хотя чего следующий раз!?

– Товарищ капитан, – подозвал к себе командира роты, – пошлите кого-нибудь к пожарникам. Пусть они несколько машин выдвинут к порталу. Их задача борьба с пылью.

Десять последующих минут прошли спокойно, в деловой суете персонала командного пункта.

Я смотрел в сторону Портала, прикидывал возможные варианты развития событий, когда меня позвал офицер-связист: – Товарищ полковник, Портал вызывает, – и кивнул на один из экранов.

На экране, едва сдерживая возбуждение, переминался с ноги на ногу старший по Порталу, майор Серёгин, увидев меня на своём экране, стал докладывать: – Товарищ полковник, всё нормально, но внезапно заартачился губернатор. Говорит, пока не будет бумаги, подписанной президентом, или он сам лично не даст ему «Добро», он запрещает эвакуацию. И сейчас очень здорово давит своим авторитетом на остальных.

– Какова позиция силовиков? – Информация была очень неприятной и могла поставить крест на всей операции, поэтому надо действовать быстро и решительно.

– С силовиками всё нормально. Они готовы, а вот гражданские – они мнутя и поглядывают на губернатора.

– Слушай, майор, меня внимательно. Через десять минут буду у тебя. К этому времени построь там всех этих и туда же подтяни стажирующих. Они там ещё у тебя?

– Так точно, здесь.

– Действуй, сейчас буду.

– Володя, – кивнул заму, – остаёшься здесь, а я на Портал.

Скатился с холма и, почти не останавливаясь, заскочил во внутрь бронированного «Тигра»: – Коля, в Портал, – кинул команду водителю и машина практически сразу же тронулась с места, а за мной помчалось ещё три машины охраны. Так-то езжу с одной, но после того как процесс должен был пойти, я хотел проехать в город и самому посмотреть, как проходит зачистка уже внутри городского населённого пункта. Через несколько минут стремительной езды подскочил к Порталу, где проходила чёткая граница между летом и зимой, где виднелись пока ещё нетронутые сугробы и подкатил к выстроенной в каре автомобильной технике, внутри которой находились две группы людей. Одна, довольно многочисленная и разнородная, где отдельной и слитной кучкой стояли силовики. И напротив них, немногочисленная – мои люди, а чуть подальше, заняв удобные позиции, военнослужащие нашей армии, которые только ждали отмашки, чтобы приступить к выполнению поставленных задач.

Неторопливо вылез из машины, оглядел стоящую квадратом технику, работающие и пускающие в небо сизые дымки генераторы, питающие Портал и аппаратуру, отдельно стоящие бронетранспортёры с пехотой, готовой выдвинуться по сигналу в любую точку и выполнить задачу, большие палатки, видневшиеся чуть поодаль. Всё это работало и крутилось без сбоя. После чего, под любопытными взглядами, в сопровождении охраны, вышел на середину строя. Пробежался мимолётным взглядом по лицам, смотревших с любопытством на меня и представился: – Я генерал-губернатор Колонии Куликов Кирилл Григорьевич, куда и будет происходить ваша эвакуация. Кто губернатор?

Губернатора я знал по фото и видео, которые мне представляли перед разработкой операции, поэтому узнал его сразу. Хотя он и был сейчас в хорошем дорогом, зимнем пальто, а на фото и видео в основном в костюме. Представительный мэн, держится с достоинством.

Вышел из строя неторопливо, оглянулся на него, как бы за поддержкой и хотел было сделать своё заявление, но я его остановил взмахом руки и, обращаясь к строю, снова спросил.

– Первый зам губернатора – Кто?

Вышедший тут же следом мужчина, мне понравился сразу: – Задачу по эвакуации знаете? Сумеете выполнить? Отлично. Как вас зовут? – Услышав ответы, повернулся к губернатору и веско заявил, ткнув в его сторону пальцем.

– Своей властью, генерал-губернатора, я отстраняю вас от должности губернатора, а вас, – теперь обратился к первому заму, – назначаю на должность губернатора здесь и когда выполните задачу и у нас в Колонии тоже будете губернатором.

– Я не ваш подчинённый и вы не имеете право... Я подчиняюсь только президенту и сейчас о вашем самоуправстве доложу ему по прямому проводу, – гонористо забушевал губернатор, оглядываясь за поддержкой на силовиков, – я вас сейчас сам арестую...

Пришлось оглянуться на майора Серёгина и, кивнув на орущего, уже бывшего чиновника, отдал приказ: – Арестовать, изъять средства связи, закрыть во временную камеру и содержать там его до окончания эвакуации. Его семью эвакуировать в последнюю очередь, на общих основаниях.

Майор в свою очередь махнул рукой и по его сигналу двое бойцов ловко завернули руки бушующему чиновнику и без проявления уважения поволокли к автозаку, который мы взяли с собой на всякий случай. Оказывается, пригодился, а мы ещё сомневались.

– Кто ещё не хочет думать о своей семье, а думает только о своей заднице и как её прикрыть? Выходите, я прикрою..., – обежал взглядом замерших, подождал немного и удовлетворённо произнёс, – ну и хорошо. Дальше действуем по плану.

А план у нас был большой. В течение часа, все вот эти представители и руководители, на автобусах объезжают временные лагеря для размещения эвакуированных и убеждают, что их не вывозят в голое поле и не бросают потом на произвол судьбы, а будут с ними планомерно работать и дальше. В этот час, с нашей стороны, на их сторону уходит большая колонна большегрузных автомобилей для погрузки и вывоза к нам материальных средств. А дальше по плану – люди, предприятия, институты, больницы, техника..., вывозимые ресурсы. Последние тридцать минут перед закрытием, подаём больше энергии и раздвигаем рамки Портала и через него пролетает воздушная техника – гражданского и военного предназначения. Только людей за это время мы должны переправить к себе около трёхсот тысяч.

Пока чиновный люд рассаживался по поданным автобусам, я отвёл в сторону областного и городского милицейских начальников, командира дивизии и нового губернатора. Первый вопрос был к комдиву.

– Товарищ полковник, только два вопроса – погрузочные команды готовы? Эвакуируемые предприятия, склады и ресурсы взяты под охрану?

– Так точно. Все уже на местах.

– Отлично. Остальное всё по плану.

– Теперь вопрос к полиции. Порядок сможете обеспечить во время эвакуации и в перерывах между ними? Или вам нужна помощь дивизии?

МВДэшные, молодежавые полковники посмотрели на полковника комдива и оба синхронно и отрицательно качнули головами: – Хорошо, действовать жёстко, если нарушается порядок. Если вы пристрелите кого-то, а ещё лучше зачистите город от бандюков... Они мне здесь совершенно не нужны... Это только приветствуется и не наказуемо. Вас, товарищ командир дивизии, это тоже касается в рамках гарнизона. И не бойтесь ответственности, благо вы переходите под мою руку. Слово генерал-губернатора.

Полковники, но уже втроём переглянулись, но не кивали. Просто переглянулись и я их отпустил, задержав на минуту нового губернатора.

– Алексей Иванович, чтоб вы действовали твёрдо и решительно и всё понимали правильно. Президент, вот об этом всё знает и дал «Добро». Даже определил мне лимиты и пределы, за рамки которых я не должен выходить при эвакуации. Он ещё надеется, что в стране всё поправится. Я не надеюсь. Он в Москве, у него сейчас болит голова совершенно о другом, а нам здесь в Колонии и вам в том числе, тоже надо жить и становиться на ноги. Поэтому, за три раза открытия Портала город, округа вокруг города должна быть вычищена подчистую. Чем больше ты перетащишь сюда – тем проще тебе будет обустроиваться на новом месте. Да и нам тоже помогать тебе. Особо обращаю внимание на строительную технику. Ой, как она нам в Колонии, особенно тебе понадобится. Вон, видишь – здесь у нас начинается лето и не загаженная природа. И за это лето и осень нам надо построиться по максимуму, чтобы пережить зиму, хоть она у нас и тёплая, но всё равно пережить, опять строиться и потом жить здесь по-новому. Нормально жить. Надеюсь, ты меня понял. А теперь иди, тебя уже ждут...

Дождавшись, когда автобусы уедут для осмотра, с нашей стороны в Портал пошла большая колонна техники под погрузку, а я наконец-то смог спокойно оглядеться. В принципе, в районе Портала всё было в порядке: сам Портал открылся в поле, в километре от окраины города, боевая техника и техника, обеспечивающая бесперебойную работу Портала, находились на выбранных позициях, люди знали свои действия и действовали чётко. Тут же небольшой группой держались так называемые стажёры, наблюдавшие за развернувшимся действием. Это десять офицеров, которые будут через несколько дней сами разворачивать свои Порталы в назначенных районах и руководить сложным процессом эвакуации огромных масс людей, техники и других ресурсов. И через этот первый «Хапок» приобретали необходимый первичный опыт, чтобы исключить в дальнейших в своих действиях вполне возможные ошибки и наоборот поднять эффективность эвакуации. В течение часа они работают здесь, потом вместе со мной убывают в город, чтобы на местах посмотреть, как идёт эвакуация внутри города и каков там порядок... Потом они возвращаются обратно к Порталу и наблюдают здесь и если нужно помогают старшему по Порталу в наведении порядка.

Пока кроме наших машин, бесконечным потоком льющимся во внутрь города и военно-служащих нашей армии, предназначенных для поддержания порядка, в районе Портала никого не было. Лишь в километре, на окраине города, темнела огромная масса народа и машин, сдерживаемые полицией, ожидавших сигнала для начала эвакуации, которая будет проходить по трём коридорам. Первый коридор предназначен для пешего прохода для людей, у которых нет своего транспорта. Второй коридор для эвакуированных на своём транспорте. И третий, самый большой и широкий для грузовой техники, которая вывозит ресурсы, технику и оборудования предприятий, заводов, высших учебных заведений, больниц и многое, многое другое...

Дождавшись начала движения вот этого всего потока по коридорам и понаблюдав немного за этим сложным процессом, с которым местная полиция с самого начала едва справлялась, я с охраной и группой стажёров двинулись в город. К моему сожалению на окраине, где происходило накопление всей этой массы эвакуируемых и распределение их по коридорам, творился вполне прогнозируемый бедлам. Напор и рёв толпы, многоголосый крик, пронзительные автомобильные гудки, столпотворение, закручивающие людские водовороты, где люди теряли друг друга, детей, жён, мужей и близких, впечатляло и напрягало. Я не стал туда вмешиваться и не отдал приказ, чтобы мои люди наводили здесь порядок. Хотя, увидев всё это, был хороший импульс отдать такой приказ. Это была прерогатива местных и после увиденного, созрело пока ещё зыбкое решение, после эвакуации снять с должностей ментовское начальство за такую бестолковую организацию. Посмотрим, как они будут наводить порядок потом. Может ещё и реабилитируют себя. Оставив сзади весь этот ревуший бардак, мы двинулись против людского потока и техники, спешащих к Порталу, в глубь города и вскоре выехали в центральный район областного миллионника, где воочию над всем витала аура уже брошенного города. Пустынные улицы, закрытые магазины, кафе и развлекательные центры, на улицах

всевозможный хлам и мусор, который никто не убирал, не ходил общественный транспорт. И если и попадались машины или автобусы, то они ехали только в одном направлении – к Порталу. Туда же тянулись и люди с сумками, чемоданами и другим скарбом. По улицам центра сновали редкие патрульные экипажи полиции. И у меня сложилось стойкое ощущение, что они лишь создавали видимость патрулирования, а сами решали свои непонятные личные дела. Только на самом пяточке центра, где сосредоточились административные здания городского и областного значения, присутствовала активность. Особенно у зданий полиции и ФСБ, откуда выносился архив, документация и другое имущество силовиков.

Покатавшись немного по центру, я решил проехаться по окраинам, где предполагал отнюдь совершенно другую картину и не ошибся. Окраины были предоставлены сами себе, полиция здесь отсутствовала напрочь, никто и ничего тут не боялся и происходил самый банальный грабёж. Разбитые витрины магазинов, вырванные из косяков явно машинами стальные двери, люди тащившие в руках, в сумках, в магазинных тележках добытые в этих же магазинах продукты, товары, телевизоры и другое... Увидев наши машины, явно военного вида, встречный народ мигом прыскал в сторону и скрывался в многочисленных укромных уголках и дворовых закоулках, боясь попасть под горячую руку силовиков. Но я не вмешивался и не старался остановить грабительский процесс, понимая логику происходящего, когда люди предоставлены сами себе, не верят никому и ничему и пользуются моментом прибарахлиться, чтобы потом банально выживать. Но уже через десять минут пришлось вмешаться. Мы внезапно выехали к некому центру данного района, где возвышался торговый центр довольно приличного размера с большой парковкой, ограниченной с двух сторон новыми, недавно выстроенными высокими домами. И что мне сразу не понравилось, это цепь вооружённых людей в гражданской одежде, отсекающих от магазина толпу гражданских в триста-четырееста человек, но не вооружённых. Тут же недалеко лежало несколько тел в позах, явно уже не живых людей. А из переулков, улиц сюда подъезжали на легковушках, просто подходили и подбегали с сумками, с тележками десятки местных жителей.

Мигом поняв, что здесь правит бал сильнейшие и наглые, спонтанно решил исправить положение и преподать небольшой урок, заодно и разобраться в некоторых вопросах.

– Взять!!!! – Прозвучала команда по рации и моим людям даже не надо было ставить задачу, они и сами правильно разобрались в ситуации, да ещё когда мы рассмотрели, что вооружённые люди были явно цыганской наружности, которые и наложили лапу на всё что находилось внутри здания. Тем более, здесь уже находились наверняка их Газели, пара Бычков и три КАМАЗа, куда остальные цыгане споро грузили товар.

Две машины охраны ринулись во фланги, охватывая вооружённых людей, а мы, громко сигнала, с машинами стажёров, ринулись на толпу местных жителей, с которыми цыгане не хотели делиться. Толпа в панике брызнула в разные стороны, отбежав на окраину парковки, сгрудились у уже разграбленных мелких магазинов и офисов в первых этажах новых многоэтажек и оттуда, с безопасного расстояния, стала наблюдать за происходящим. А цыгане, обескураженные неожиданным появлением незнакомого противника, водя стволами совсем не охотничьего оружия, отступили к машинам у входа в торговый центр, а некоторые из них, поднявшись по ступенькам широкой лестницы, начали кричать во внутрь, вызывая подмогу. И пока мы окружали торговый центр, высаживались, развёртываясь в цепь, из широкого стеклянного входа вывалилась толпа цыган. В первой волне шли цыганки всех возрастов и видов: юные, старые, среднего возраста, толстые с мощными и объёмными грудями, тощие и плоские без оных, с короткими ногами, чернявые, носатые и все как на подбор некрасивые. И действовали они по стандартному плану – навалиться всей этой визжащей, кричащей женской сворой не важно на кого, с единственной целью окружить, оглушить визгом и истеричным криком, ввести в растерянность, не дать сосредоточиться, рассредоточить внимание, сломать волю, чтобы противная сторона плюнула в досаде и отступилась от них. И такая тактика очень часто

срабатывала, когда полиция приезжала на место ДТП с участием цыган или собирались проводить какие либо операции в цыганском посёлке. И они уезжал не солоно хлебавши, решив как-нибудь по-другому решить вопрос.

Так и здесь, только помимо всего, конечной целью было дать своим мужикам соорганизоваться и если эти непонятные военные не уедут, дать огневой отпор и заставить силой убраться воякам.

Впереди толпы, с удивительной скоростью, передвигая короткими и толстыми ногами, мчалась полная, пожилая цыганка, с накрученной чалмой цветастым платком на голове и с крупной чёрной бородавкой на лице, бесформенные груди под вязанной кофтой. неистово болтались в разные стороны, раззявленный в крике рот и целеустремлённость движения. А двигалась она, во главе этой толпы, прямо на меня, протягивая вперёд руки со скрюченными пальцами, больше похожими на когти хищной птицы. И было понятно, что криками и воплями тут не ограничатся. Нас сомнёт, повалит на землю вот это бабье войско. И действовать здесь нужно было жёстко и жестоко, тем более, что они уже перешли некую черту вот этим наглым грабежом и убийством гражданских.

Воинственно настроенная цыганская тётка была уже в нескольких шагах, когда её товарки сзади ещё громче, торжествуя закричали, предвкушая победу, как из-за моей спины неслышно выскользнули двое моих охранников, сделали два шага вперёд, сомкнулись плечами передо мной, отсекая командира от нападавшей, и один из них, совершенно не сомневаясь и не заморачиваясь гуманистическими соображениями, сильным ударом приклада в грудь, сбил её с ног. Второй тоже самое проделал со следующей цыганкой, а дальше пошла молотьба, в которую включилась уже вся наша пешая цепь. Не такая уж зверская, как можно подумать, но хлёсткие и болезненные удары, смешали ряды этих фурий, остановили их и погнали уже обратно, на цепь цыган с оружием в руках. Те тоже не ожидали такой развязки, ведь их баб никогда и никто не бил, даже менты или ОМОНовцы в масках. Они засуетились, водя стволами в разные стороны, опасаясь стрелять, чтобы не задеть своих женщин. Но всё-таки нашлось среди них двое совсем безбашенных, которые решили переломить ситуацию в свою сторону и после некоторой заминки открыли автоматный огонь по моим на левом фланге, где те немного оторвались от толпы женщин и открылись. Хоть огонь и был не совсем точным, с бухты-баракхты, но один боец был сразу ранен и упал на асфальт. Больше безбашенные не стреляли, так как сразу с нескольких сторон прозвучали короткие очереди и ими смели не только стрелявших, но ещё несколько человек находившиеся рядом. А дальше было всё просто, прозвучало ещё несколько очередей с нашей стороны по цыганам, которые только вскинули оружие, чтобы открыть огонь и остальные уцелевшие, в панике дав друг друга в двях, ринулись во внутрь здания, спасая жизни и бросив своих женщин, убитых и раненых. А также часть оружия. Цыганские женщины мигом заткнулись и кто попадал на землю, закрывая руками голову, кто просто присел в ужасе закрыв глаза. А местные жители с краёв парковки радостно заулюлюкали, засвистели, поддерживая наши действия против ненавистных цыган.

Внутри здания прозвучало несколько очередей и вот уже цыгане, пытавшиеся спастись в бегстве, снова стали выскакивать на широкое крыльцо и теперь попадая под прицел наших автоматов.

– Бросай оружие! – Послышалась резкая команда, подкреплённая хорошей очередью над головами цыган, и оружие тут же послушно забрякало на асфальте, а бойцы охраны пинками и ударами прикладов подняли с асфальта цыганок и погнали их в сторону ближайшего тупичка, который образовался в углу парковки. Туда же отогнали цыган, быстро их обыскав на предмет спрятанного оружия, докинув в общую кучу несколько пистолетов и с десятков ножей.

Мне уже доложили о раненом. Слава богу, жить будет, но потребуются длительное лечение. Пули перебили обе ноги. Парню оказали первую помощь, загрузили в автомобиль и он умчался в сторону Портала, а я взмахом руки попытался вызвать к себе кого-нибудь из толпы

местных, мявшихся по бокам парковки. Они не разбежались даже во время стрельбы, и сейчас нерешительно колыхались, не зная как поступить – то ли разойтись по домам, так как наверняка военные возьмут торговый центр под охрану и им тут нечего ловить, но в тоже время было интересно, что будет дальше и что военные будут делать с этими сволочными цыганами.

Увидев приглашающие взмахи рукой, в самой большой людской куче произошло небольшое волнение, после чего оттуда был почти вытолкнут вполне такой представительный мужик. По обличию и одежде он походил на работягу, но не забитого, а такого, кто за правду и в глотку может вцепиться. Сначала шагал нерешительно, но потом шаг выровнялся и с вызывающим видом – «А по фиг! Хоть перед смертью Правду Матку скажу»....

– Здравствуйте...., – первым поздоровался я.

– И вам не хворать, – типа, тоже поздоровался.

– Как к вам обращаться?

– Да ни как.... А то потом...., – и мужик с многозначительной ехидностью цвыкнул губами и развёл руки.

– Ну..., ни как, так ни как. А что тут произошло?

– А что не видно? Или непонятно? Чего тогда стреляли? – Мужик со злостью плюнул под ноги и начал смело крыть эту самую «Правду Матку», – я правда не знаю, что ты за начальник, но вот наше начальство нас просто бросило и сбежало... Куда там эвакуируются, а эти подонки цыгане мигом власть подобрали и вон что натворили. Людей постреляли за просто так. Я, конечно, понимаю, что мы тоже не совсем правильно поступали, идя бомбить магазины. Но нас бросили... А раз бросили, значит мы должны как-то сами выживать. Вот и пошли брать этот магазин, благо его никто не охранял. И решили растащить всем и кто сколько сможет. Мы ведь никого не отпихивали, не прогоняли и хотели, чтоб всё по-честному было – Кто сколько может. А эти сволочи, приехали с оружием на машинах и под себя забрали весь торговый центр. Нас тут в округе несколько тысяч человек, а их тут живёт в посёлке человек триста. И где справедливость? Ну, пошли с ними договариваться, а те взяли и расстреляли их. Скоты.... А тут вы подъехали вскорее.

– Да..., ситуация..., – я посмотрел на стоявших в тупике. Если мужики стояли и только угрюмо смотрели на нас, но тут же прятали глаза, когда в их сторону обращались взгляды, а по глазам можно чётко прочесть – «что вот скоро вы уедете, вот мы потом всем покажем». А вот бабё цыганское наоборот тихо выло, бросая проклятья в нашу сторону. Да, это была очень сложная ситуация и раз мы в неё ввязались, нам её и нужно было развязывать.

– А показать тех, кто расстреливал – сможешь?

– Ха..., я что дурак что ли? Вы сейчас их отвезёте и сдадите ментам, этим продажным сукам. Цыгане тут наркотой банчили, воровством занимались. Мы сколько не жаловались – ноль внимания. Только менты, как по графику к цыганам за деньгами приезжали. Им отдадите, а те продажные их отпустят и тогда тут такая кровавая баня будет. Мама не горюй. – Мужик остервенело сорвал шапку с головы и я уж думал он ею и хлопнет о мёрзлый асфальт, но тот её покрутил в руках, как бы оглядывая – не замаралась ли? И также зло нахлобучил на голову.

– Да ты не бойся. Их судьбу надо сейчас решать. Покажешь – вот и решим, что с ними делать...

Мужик зло и в полный голос заматерился, оглядел загнанным взглядом окруживших его военных, оглянулся на своих, снова выматерился и решился: – А пошли... Покажу.

– Вон он у них самый главный. О..., как смотрит... – Грязный палец ткнул в сторону дородного, заросшего чёрным волосом цыгана, одетого в хорошую тёплую куртку и вокруг которого в основном кучковались взрослые цыгане, – а вот тот и тот..., вон, который в рыжей шапке... Они расстреляли наших. И вон тот щенок, старуху застрелил и ещё хвастал таким же сосункам, как он её ловко стрельнул....

По мере того, как мужик указывал на виновных, их под усилившийся пронзительный вой и визг цыганок выхватывали из толпы и отводили в сторону. Вытащили и четырнадцатилетнего пацана, убийцу старой женщины. Пока мы разговаривали и выводили виновных из толпы, местные жители осмелели и подошли ближе и с их стороны полетели новые обвинения и к остальным цыганам. Люди выходили из толпы и тыкали в конкретного человека и рассказывали, что он совершил и если серьёзное обвинение было, то того присоединяли к первым. Потом следующего и так далее...

Наверняка тут было много и навёрчено и накручено, я и не собирался определять степень виновности каждого. Уже то, что они с оружием, попытались навязать свою волю остальной округе, пролили кровь... И если бы мы тут не появились случайно, то впоследствии они превратили этих людей в банальных рабов, работающих за кусок пищи и творили тут безнаказанно зло. А зло нужно искоренять безжалостно и тут же – прилюдно.

Так, постепенно, чуть ли не все цыгане мужского пола оказались в толпе виновных. Даже против детей выдвигались обвинения в воровстве, в помощи взрослым в распространении наркотиков, в жестоких избиениях и вымогательствах у сверстников не цыганского происхождения. И ведь их набралось приличное количество. Одно дело стрельнуть..., ну даже пять человек, а тут целая толпа. И отпускать их тоже нельзя. Я озадаченно зачесал лоб, протяжно протянув: – Да..., задачка..., – и оглянулся на стажёров.

– Ну а вы что молчите? Неужели нечего сказать или подсказать? Какие у вас есть предложения? Ведь тоже наверно придётся с такой хернёй столкнуться, когда сами будете руководить Хапками. – Если до этого они с любопытством наблюдали со стороны за развивающейся ситуацией, то теперь их лица сразу же стали озабоченными, но и никто не спешил со своими советами, поглядывая друг на друга. Пока один из них, майор Пеньков, решительно не озвучил своё видение.

– Да грохнуть эту сволоту и дело концом. Они ведь с местными не рассусоливали... Вон люди лежат. И их также надо.

– Да я согласен, – легко согласился с майором и ткнул пальцем в толпу цыган, – вот идите, товарищ майор, и расстреляйте вон тех убийц и пацана тоже не забудьте, который бабушку убил...

Майор растерялся. Одно дело предлагать, а другое дело – вот так с ходу делать самому, тем более, когда толпа цыган, услышав моё решение, всколыхнулась в панике и отхлынуло от нас насколько это было возможно в тупичке. Цыганки громко завывали, потом сделали неожиданный для нашей охраны рывок вперёд и из кучи, выведенных цыган на расправу, выхватили пацана и стали заталкивать в середину своей толпы. Туда же мигом переместились и взрослые убийцы и теперь толпа цыган стала одним целым и монолитным людским куском, откуда убийц вот так просто достать невозможно. И их, в довершении ко всему, было на несколько порядков больше. Если они в едином порыве сейчас ломанут, то они сомнут нас, даже может и сумеют завладеть оружием и инициативой. Это же мгновенно поняла и толпа цыган. Они одновременно грозно взревели, толкнулись в нашу сторону и тут же резко присели в великом испуге от громкой и длинной очереди крупнокалиберного пулемёта с одной из наших машин. Очередь прошла так низко над головами, что даже когда она оборвалась, ни у кого из цыган не возникло желание подняться с корточек.

– Что, майор, убедился, что тут нужно другое решение? Что есть ещё желающие на радикальные меры?

Не дождавшись толковых решений от своих соратников, обратился к мужику: – А чего вы не эвакуируетесь? Чего ждёте? Там лето, там будущее... А здесь неизвестно что будет. Одно известно точно – зима будет несколько лет и очень холодная. Вряд ли выживете... И это только самый лучший вариант. Так чего?

– Там..., там..., – мужик уже понял, что с этим непонятным военным можно говорить открыто, зло и запросто и за это по роже никто ему не даст, – тут вот всё понятно и привычно, а про «Там» всё неясно. Слух ходит стойкий, что может там и хорошо у кого есть деньги, а вот у нас их нет и

будем там рабами. Так что лучше здесь помереть свободным, чем там в рабстве быть. А может всё и обойдётся. Вот наше начальство мотанёт туда, а мы останемся тут и гораздо свободнее заживём и постараемся, чтобы эта жизнь была справедливой. Да и помирать... Что здесь, что там... Какая разница... А вы кто сами то будете?

Я оглянулся и пробежался взглядом на окруживших меня и моих людей, местных жителей, которые жадно прислушивались к моим словам, глаза которых горели надеждой. Горели желанием услышать слово, которое переломит всё и вернёт им надежду на новую жизнь, на продолжение жизни вместо местного прозябания и медленного угасания. И эти слова должны быть простыми и доходчивыми.

– Вот я как раз и есть генерал-губернатор, самый главный той территории, которую ты и все вы называете словом «Там». И все слухи, которые у вас тут бродят – брехня самая натуральная. Там новая жизнь, новые возможности для всех вас и в течение недели у вас есть возможность уйти туда. Берите документы, деньги, самое ценное и памятное, что у вас есть о прошлой жизни и идите к нам. Да..., сразу хочу сказать, первые два года, пока мы не отстроим жильё для вас, могут быть достаточно трудными, но не в голом поле и не под открытым небом. Для вас уже выстроено временное жильё. Да в поле, но оно есть. Но там жизнь, а здесь постепенное угасание. Не хотите думать о себе – подумайте о своих детях. Поверьте мне – там другая жизнь и другие отношения между людьми. Вот я генерал-губернатор, не буду врать и попал сюда совершенно случайно. Я ведь не проехал мимо, а мог ведь сказать самому себе – Да на хрен мне это надо, пусть сами разбираются между собой. А я остановился, защитил вас и торговый центр. Обезоружил этих людей и взял их под охрану. Выслушал ваши обвинения в их адрес. Наверно, это подтверждает мои слова, что там другое отношение к человеку....

– Нуууу..., – в некоем сомнении протянул мужик и теперь зная, кто перед ним стоит, уже не столь решительно продолжил, – нууу..., говорить-то интересные слова легко, а вот как нам поверить в них – ещё тот вопрос.... Тут нужно очень, очень хорошо подумать. Тем более сами говорите, что ещё целая неделя есть. Может, за это время и решим что-то. Или здесь остаёмся, или к вам подадимся.

По реакции толпы, стоявшей вокруг нас и внимательно слушавшая, было понятно – зерно сомнения упало на благоприятную почву и чтобы окончательно заставить их хорошо подумать и склониться всё-таки к эвакуации к нам, нужно ещё одно смелое действие, чем и добавить их. И у меня уже сформировался довольно авантюрный план, которым можно было убить сразу несколько «зайцев». Самое главное: развязаться с цыганами и перевалить решение их судьбы на других. Какое-нибудь чмо из гуманистов или гнилых демократов потом будет орать на «всех перекрёстках», что я отдал решение судьбы «несчастных» цыган в руки неподготовленных к такому действию людей, а сам ушёл от ответственности. Да пусть орут. Мне судьба этого дрянного племени не интересна – что заслужили всей своей жизнью то и получают. Но зато это оценят другие, простые и нормальные люди и толкнёт их на эвакуацию, а не на медленную гибель здесь.

– Хорошо, – поднял руку и указательным пальцем обвёл окружающую толпу, снова остановив его движение на мужике, – я вас выслушал..., – и тут же вновь обратился к толпе: – Вы доверяете этому человеку?

Люди активно зашевелились и со всех сторон вразнобой посыпались громкие, одобряющие реплики: – Да... Доверяем... Знаем... Петр, нормальный мужик и справедливый... И его не раз били, за то что он за правду стоит...

Я резко поднял руку вверх, останавливая человеческий гвалт, и когда толпа немного притихла, продолжил: – Тогда поступим следующим образом. Майор Пеньков, сколько там единиц оружия?

– 8 автоматов, пять пистолетов, одна винтовка и 12 единиц гладкоствольного охотничьего...

– То есть 26 единиц. А теперь выбирайте 25 мужчин, которым вы тоже доверяете. И давайте посмелее... Я за вас, вашу жизнь и ваши проблемы решать не буду, да и время не ждёт. Я вам только помогу, а вы тут дальше сами разбирайтесь...

После некоторого замешательства, люди в толпе закрутились, завертели, загалдели, решая кому выходить. В эту же круговерть резко воткнулся Пётр, который цепко выхватывал мужиков из толпы, что-то им решительно толковал и те, хоть ещё и в великом сомнении, но выходили в свободное пространство перед нами. Туда же выходили и другие, выдвинутые людской массой и через десять минут они стояли неровной шеренгой.

Пока шли такие выборы, я надавил на мужика и теперь знал его имя, фамилию, отчество и адрес. Не хотел он это сообщать, но пришлось согласиться на мои требования, особенно когда пригрозил ему, что сейчас плюну, сниму охрану с цыган и уеду, а они пусть сами тогда с цыганами разгуливают и делят торговый центр. Только тут же выразил справедливое сомнение, что цыгане после случившегося будут более сговорчивее. Под таким же соусом переписали и других вышедших мужиков. Правда, когда услышали, что и их надо переписать, 7 человек трухнули и сразу нырнули обратно в толпу. Но уже через три минуты, другие 7 человек сами добровольно заняли места струсивших и дали свои данные.

– Товарищ Севастьянов, – обратился к мужику, – Все тут стоят нормальные? И всем ты тут доверяешь?

Пётр Григорьевич обошёл строй, задал несколько вопросов видать незнакомым ему людям и утвердительно кивнул головой. А я лично отобрал из кучи оружия самый лучший на мой взгляд автомат, самодельный подсумок с магазинами, вручив его Севастьянову, того вывел на середину строя.

– Внимание! Сейчас я буду говорить не только им, выбранным вами, но и вам всем, кто здесь находится, чтобы понимали – как жить дальше. Товарища Севастьянова я назначаю командиром вашего отряда самообороны и передаю вот это оружие вам, для того чтобы вы сами здесь смотрели за порядком, чтобы вот этот торговый центр, пусть даже брошенный и бесхозный, не просто так разграблялся, а товары в нём справедливо распределялись между вами. Чтобы вы, через свой отряд, сами поддерживали порядок на улицах своего района и могли защищаться от пришлых врагов. Я думаю, вы сами определите кто для вас враг. Ну, а арестованных я передаю тоже вам, чтобы вы выбрали из своего состава народный суд и справедливо определили степень вины каждого и назначили им наказание. Но сразу хочу предупредить – никаких издевательств, пыток над арестованными. Заслуживает смерть – пулю в лоб. Заслуживает другого – значит выпороть прилюдно по голой заднице, вот здесь на площади....

По толпе прокатился одобрителный гул и тут же стих, увидев мою поднятую руку.

– Продолжаю. Но каждый приговор должен быть оформлен и подписан, вот этими народными судьями, которые будут нести ответственность за несправедный суд. А нет так просто. И через три дня, когда откроем снова Портал для второго этапа эвакуации, сюда пришлю отряд для проверки. И не дай бог, если тут будет несправедливость. С тебя, товарищ Севастьянов, в первую очередь спрошу, и с остальных тоже....

И последнее, что хочется сказать. Я тоже не люблю цыган и считаю их бесполезным народом, присосавшимся к местному населению. И хотя понимаю, что и среди них вполне возможно есть и хорошие люди, но ни один цыган на мою территорию не попадёт. Если как-то кто-то сумеет проскользнуть, вышвырнем безжалостно обратно. И самое последнее – не тяните с решением об эвакуации. Через неделю будет поздно и никто вам больше не поможет. Думайте своими головами и не слушайте слухи....

Все мои слова были встречены одобрительным гулом, особенно когда Севастьянов, грозно встряхнув автоматом веско заявил: – Ну..., за таким начальником можно смело идти....

Закончив этот импровизированный митинг, я отвёл в сторону командира отряда: – Севастьянов, у тебя есть тридцать минут. Сейчас мигом назначай себе пару замов. Разбирайте оружие и загоняйте цыган в любой подвал и сажайте под замок. Мои помогут. Выставляй охрану у торгового центра и как только мы уедем, пошли несколько групп своих людей по домам цыганского посёлка с целью поиска оружия и боеприпасов, но только не для погромов и какой либо экспроприации... И флаг тебе в руки. Сейчас быстро напишут приказ о назначении тебя командиром отряда, который подчиняется лично мне. Всё как положено – с печатью, с моей подписью. Чтоб всё было на законных основаниях. Предупреждаю насчёт местной полиции, не все там продажные.... Договаривайся с ними как хочешь, трясги моим приказом, крутись, но оружие против них не применять. А со своей стороны доведу до местного руководства об вашем отряде, чтобы не было недоразумений. Они всё-таки пока здесь законная власть, а через три дня сюда пришлю свой отряд и если местные менты здесь как-то несправедливо или жёстко поступят с вами, мой отряд с ними будет разбираться. Ну и давайте к нам людей выпихивай и сам переходи. Мне такие люди нужны. Да, если перейдёшь к нам – оружие придётся сдать. А теперь ты тут власть и иди рули этой властью....

Через тридцать минут моя небольшая колонна убыла с парковки торгового центра, где повсюду распоряжался новый командир, и мы вновь запетляли по окраинным улицам, где царила вакханалия беззакония, банальный грабёж торговых точек, и тут же драки уже за добычу, которую опоздавшие пытались отобрать у более удачливых. Мы даже не вылезали из машины, тихо подъезжали к месту разборок, давали очередь в воздух из крупнокалиберного пулемёта и драка мигом прекращалась, а участники прыскали в разные стороны испуганными зайцами, бросая то из-за чего и бились. А мы ехали дальше. На одной из пустынных улиц наткнулись на банду подростков, лихо бившие камнями, арматурными прутьями витрины мелких магазинов на первых этажах старых, советских времён пятиэтажек, стёкла ларьков на остановочных комплексах. А из лихачества, безнаказанности, ощущения мнимой крутости от своей многочисленности, весело запуливали каменюки и в окна вторых этажей и даже третьих, Особенно рзвелись против окон, откуда хозяева возмущённо кричали, пытаясь стыдить и урезонить сосунков. И такое безудержное веселье было бесцеремонно прервано нашим внезапным появлением и от неожиданности они даже не успели разбежаться. Так и замерли на месте, хлопая в великом испуге глазами. Поставил их к стенке, отчего они испугались ещё больше, предполагая логичный финал. Потекли слёзы, послышалось откровенное поскуливания, жалобные просящие голоса, а один прямо тут же обоссался.

На мой вопрос – Зачем они это делали? Скулёж только усилился, а главарь этой банды, пятнадцатилетний долговязый парень, как ребёнок из младшей группы детсада, просяще протянул: – Дяденьки, не надо нас стрелять. Мы больше не будем...

Я тяжело вздохнул и со своего места оглядел серый фасад пятиэтажки, около которого и словили пацанов. Когда мы въезжали на улицу, лишь только двоих мужиков видел на застеклённых балконах пятых этажей, откуда они орали на хулиганов, а сейчас чуть ли не на всех балконах стояли люди и требовали сурово наказать щенков.

Вытащил за ухо главаря на середину тротуара и ткнул лицом в жителей дома: – А они требуют, чтобы я вас расстрелял..., Прямо здесь шлёпнул. Слышишь, что они кричат? Тут вас знают как отпетое хулиганье..., – и пацан сломался. Бурно зарыдал, размазывая слёзы по щекам, умоляя пощадить и обещая, что больше не будут. Заревели в голос и его поделщики, чувствуя беду.

Конечно, щенков этих расстреливать рука не подымалась, а урок нужно было преподать жестокий, да такой, чтобы на всю жизнь.

Ну, а раз родители не смогли до их мозгов донести истину – «Что такое хорошо и что такое плохо...». Эту истину будем вбивать в самом прямом смысле слова. Сняли с них штаны, труселя, положили голыми пискьями и животами на стылый, заснеженный асфальт и жестоко выпороли, обрывками верёвок, выкинутых нам с балконов. Я дал установку – так выпороть, чтобы две недели кушали стоя, а спали ночью только на животе. И чтоб после порки могли до дому дойти.

А главарю, чтоб знал, что старший банды несёт отдельную ответственность за действие своей банды, после порки поставили под обоими глазами два хороших синяка, после которых на мир смотришь целую неделю через узкие щёлочки. Потом выбили зубы, при этом прилично раскровенив губы, а напоследок сказали назидательно: – Это чтоб ты, когда две недели через трубочку пищу принимал – помнил об ответственности главного в коллективе, который он возглавляет...

Поколесив по улицам ещё немного, мы окраинными улицами направились в сторону Портала. Проезжая мимо серого бетонного забора очередного большого гаражного кооператива и уже сворачивая за угол забора, бросил случайный взгляд через прореху от упавшей плиты и мельком увидел вдаль, в гаражном проезде, нескольких мужиков. И вроде бы ничего в открывшейся картинке не было странного – трое мужиков, явно поддатых, вели ещё одного, тоже датого, но вяло сопротивляющегося. Картинка мелькнула и скрылась, за плитами целого участка забора. И вроде бы мелькнула и должна тут же забыться от своей банальности, но что-то в картинке было неправильное, и через секунд десять колебаний я приказал разворачиваться. В дыре забора давешних мужиков видно уже не было, видать уже свернули куда-то, но мы проскочили ко въезду в гаражный кооператив с поднятым обломанным шлагбаумом, наугад свернули, потом ещё раз и выехали напрямик к искомой группе, которые уже открыли ворота гаража и мигом стало понятно почему меня посетили определённые сомнения. Пьяные мужики, где-то на улице словили приличную женщину и сейчас затаскивали её в гараж, а та уже из последних сил сопротивлялась. По всем повадкам, одежде, внешнему виду можно не ошибаясь определить, что это были обычные работяги, причём самой низкой категории, с такими же низкими жизненными принципами, главными из которых были – меньше работать и побольше выпить. А вот женщина, судя по дорогой курточке, разорванной напрочь одежде, причёске и умелому макияжу, который впрочем был напрочь погублен слезами, липким потом страха, явно принадлежала к совершенно к другому слою населения – продвинутому и обеспеченному. Вот и решили работяги в этом безвластии вкусить «белого мяса», потому что их жёны наверняка были такими же забитыми жизнью серыми мышами, как и их мужья.

Двое мужиков за руки тащили её во внутрь гаража, а третий, садистки смеясь, пятясь спиной в глубь бокса, продолжал на ходу рвать спереди одежду и одновременно видать больно хватал женщину за оголённые груди, отчего она громко и смертельно испуганно, кричала во весь голос: – Не надо..., не надо..., мне же больно... Помогите..., помогите мне..., не трогайте меня..., отпустите... прошу вас..., – что только раззадоривало насильников.

Оглушительная очередь в узком и длинном пространстве гаражей, прозвучала как гром возмездия, превратив мужиков сначала в изумлённые соляные столбы, когда ещё нет испуга, а одно только изумление – «Вот только что были одними... Через минуту пялили бы бабу... А откуда эти соколики прилетели на халяву...?».

Они даже несколько протрезвели, отчего изумление мигом перешло в отчаянное понимание – «Вот это мы попали...», где их зверское избивание ногами и прикладами до бессознательного состояние, было самым лучшим выходом для них из этой хреновой ситуации.

Первой пришла в себя женщина, осознав, что из беззащитной жертвы, она волей счастливой жизненной лотереи, превратилась в карающего вершителя судьбы насильников. Сильным рывком вырвалась из рук застывших в ступоре работяг и с торжествующим криком разгневанной фурии: – Ааааа..., сукиии..., хотели меня насмерть затрахать – теперь я вас буду тра-

хоть до смерти... – ринулась на своих мучителей. Она их пинала, щипала, царапала ногтями морды, била, плевала в рожи.... Но, это ей так казалось. Мы же, спешившись с машин, стояли в проезде цепью, с интересом наблюдая за развитием события. Тем более, что женщина в пылу праведного гнева совершенно забыла о напорч разорванном белье под курткой, а развевающие полы куртки открывали красивую фигуру и весьма аппетитную грудь, которая упруго металась в такт действий своей хозяйки. Работяги очнулись и довольно успешно защищались руками, опасливо косясь в нашу сторону и боясь, хотя бы даже и невзначай, защищаясь, нанести ей вред, тем самым не усугубить своей вины ещё больше.

Выбившись из сил уже через минуту и, поняв бесполезность своих усилий покарать мужиков, она бросила их и подскочила ко мне. Не знаю, как уж она безошибочно вычислила во мне самого главного, но подбежала и запалено дыша возбуждённо потребовала: – Командир, грохни их, грохни эту сволоту... Если бы не вы они бы меня тут и кончили... Вон тот, – она ткнула в тщедушного мужика пальцем, – первым меня увидел и заорал им – А вон и бабца идёт, давайте её трахнем..., и первым начал мне руки крутить. А вон тот, всё мне шипел в ухо – «Во..., да мы тебя сейчас в ухо, в нос, в жопу и в рот оттрахаем... Затрахаем насмерть» и всё слюнявил меня своими мокрыми и мерзкими губами. А эта скотина на мне всё порвал и чуть грудь не оторвал... Скоты..., сволочи... Убей их командир!

Вновь истошно завопила женщина и снова кинулась пинать работяг, которые уже насмерть испуганные стояли на коленях на снегу, услышав призывы женщины убить их. Даже шапки сдёрнули. Картина... – мужики пришли к барину на правёж... Они даже не сопротивлялись, когда она к ним подскочила и несколько раз сильно пнула. И вновь подбежала ко мне.

– Да.., их убить надо только за то, что они в самых натуральных скотов превратились. Они же не мылись наверно больше недели и от них воняет, а уж что такое зубы чистить...!?! Меня чуть не выворачивало, когда та сволочь меня слюнявила. Воняло из пасти...., – женщину аж передёрнуло в омерзении и она снова кинулась к мужикам и сильно заехала слюнявчику в ухо, потом наклонилась к нему и, следуя непонятной женской логике заявила.

– Вы меня, заломав силой, может быть и затрахали насмерть. Хотя сомневаюсь, что ваши вонючие пиписки смогли бы это сделать. А вот этому офицеру, – она, не глядя в нашу сторону, ткнула пальцем и попала прямо в меня, – если бы он меня встретил на улице и даже не попросил – я сама бы ему отдалась, потому что это МУЖЧИНА, нормальный, чистый мужчина и к тому же офицер...

Она может быть и дальше развивала тему моих достоинств, но ту уже не выдержали мои подчинённые, дружно засмеявшись, смехом сильных и уверенных в себе и в своём деле людей.

Этот здоровый смех возродил в глазах мужиков надежду, что может быть всё и обойдётся. Ну.., выбьют зубы, по почкам наверняка достанется, ну в ухо зарядят... Ничего.., выдержим. Главное чтоб не убили. Этот же смех привёл в себя и женщину, которая наконец-то почувствовала холодный ветер на голом теле и она, резко запахнувшись в порванную курточку, спокойным шагом подошла к нам, оглядела наши смеющиеся лица и на остатках злости резко сказала: – Чего смеётесь? Когда у тебя муж натуральный ботаник с гнилыми интеллигентскими замашками, когда он даже простое решение принять не может... Да.., любому нормальному мужику отдашься...

– Да ладно вам, ладно..., не со зла мы ведь смеёмся, а радуемся, что вовремя пришли к вам на помощь, – я участливо дотронулся до её плеча. Надо сказать, что только сейчас, несмотря на её растрёпанный вид и убитый макияж, разглядел, что она очень красивая молодая женщина, лет тридцати трёх и как раз вошла в ту зрелую женскую красоту, когда если будешь продолжать за собой следить, то ещё впереди лет пятнадцать-двадцать мужики будут вслед охотно оборачиваться. Высокая, фигуру соответствующую своими глаза видел, бюст – закачаешься, и явно не рожавшей женщины, крашенная блондинка, синие глазищи. Она мне

нравилась всё больше и очень... Офицеры и охрана, деликатно отошли в сторону и занялись потрошением мужиков, а я продолжил общаться.

– Просто вы так увлекательно говорили о себе и обо мне и что было бы, если мы встретились..., – я намеренно замолчал, давая возможность ответного хода и она приняла его.

– Да.., я умею быть благодарной, – она смущённо запахнулась ещё больше и кокетливо поправила непослушную прядь светлых волос, – и если мы продолжим наше знакомство... Думаю, что мы оба останемся довольные.

– Что ж... Не будем откладывать со знакомством. Меня зовут Кирилл. А вас?

– Лена...

– Лена, а почему вы не эвакуируетесь? Туда чуть ли не полгорода пытается уйти. Мы ведь оттуда...

Лена горестно, чисто по-женски вздохнула: – Да муж мой... Ничего не может сам решить без своих интеллигентских соплей... Вот и приходится самой крутиться. Я ведь бегала к близкой подруге. У них с мужем грузовичок небольшой есть и договорились загрузить туда имущество обеих семей и через три дня уйти туда. Правда, там нормально? А то тут такие слухи ходят... А ты, Кирилл, кто там? Явно начальник...

– Смело переезжайте туда и никого не слушайте. Всё там будет у вас нормально. А я.., действительно начальник. Небольшой, но полковник и там найду тебя. И мы тогда продолжим, если ты захочешь – продолжить знакомство.

Пока мы так общались, мужиков обыскали и быстренько допросили. Как и думал, работы: слесарь-сантехник с управляющей компании, сварщик с небольшого предприятия и электрик. Тоже с управляющей компании. Все трое имеют семьи, детей и беспросветную нужду, где светлым пятном была только водка и вот этот гараж, где они всегда кучковались. На вопрос – Почему не эвакуируются? Ответить толком ничего не могли, только всё ныли – Прости, командир. Всё это водка проклятая... Бес попутал и от водки ничего не понимали, что делаем...

Была сначала мысль отлупить их до полусмерти, но выслушав невразумительные ответы, ожесточился. В будущей жизни толку от них не будет.

Я кивком головы показал майору Пенькову на мужиков, после чего приказал: – Отведи их за гаражи....

Майор долгим взглядом посмотрел на меня и утвердительно переспросил: – Я правильно понимаю...?

– Да..., правильно...

Пеньков в свою очередь ткнул в двух бойцов и те пинками стали подымать мужиков с колен, которые несмотря на свою бестолковость мигом поняли зачем их нужно вести за гаражи. Заревели во весь голос, запричитали, хватая солдат за руки, но их уже подняли за шиворот на ноги и прикладами погнало вперёд.

– Вот..., вот..., поучите их там..., чтоб больше никогда даже мыслей у них не было, – закричала им вслед Лена, неправильно всё поняв, а Пеньков, полуобернувшись, ухмыльнулся и многозначительно пообещал: – Обязательно, гражданка... Больше у них никогда таких мыслей не будет.

Только через две минуты, когда за гаражами прозвучала короткая очередь и три одиночных выстрела, она вздрогнула и изумлённо, неверящими глазами, уставилась на меня.

– Кирилл, их что УБИЛИИиииии? ЗАЧЕММмммм? Их же просто надо было сильно избить, побить... Зубы там выбить..., а убивать – Зачеммммм?

– Ну, ты же сама просила – грохни, убей, чтоб они никогда...

– Да что я могла только в горячке не наговорить..., – закричала она с надрывом, – стрелять то зачем?

– Тихо..., тихо..., тихо, Лена, – я с силой привлек её к себе и как маленького ребёнка стал тихим голосом убеждать, – Лена... Лена..., послушай меня. Если бы мы вовремя здесь не

появились, вот эти скоты тебя бы втроём насильовали в самых изощрённых способах. А потом тебя убили и ты голая валялась там – за гаражами. А на следующий день, они следующую женщину сюда приволокли. Ты же видела сама – у них ничего человеческого не осталось. Только водка, похоть и садизм. Тебя же за груди не щупали, а щипали. Сама же говорила – чуть не оторвали. Так что не жалея их. Хорошо!?! Ну, отпустил бы я их, но перед этим отлупил их, даже сломал им что-нибудь. Эти сволочи отлежались бы и стали хитрее. И сколько бы женщин стало их жертвами – неизвестно? Давай, сейчас садимся в машину, мы отвезём тебя домой.

Пока я всё это ей растолковывал, она немного успокоилась, села в машину и до самого дома молчала, лишь иногда говорила, где свернуть. У дома я вышел за ней и проводил до подъезда, где напоследок узнал фамилию. Рассталась она со мной холодно и равнодушно.

...Чем ближе мы подъезжали к Порталу, тем всё больше и больше наблюдали людей и машин, двигающихся в одном направлении и стремящихся уйти из города на нашу территорию. А уж у самого Портала, с мерцающими сиреневым цветом краями, где в чётко вырезанном пространстве, за Порталом, виднелся кусочек жаркого Лета, наполненного солнцем и синем небом, творилось вообще невообразимая вакханалия. Вернее, в той части, где люди, не имеющие своего транспорта, с многочисленными тележками, нагруженными велосипедами, с детскими колясками и просто с объёмными сумками или с чемоданами на колёсиках, пёрли напролом с единственной целью быстрее попасть на ту сторону, из холодной зимней погоды в такое манящее лето. И достаточно было развязаться одному узлу или отвалиться колёсику у багажа, как в этом месте сразу возникал людской водоворот с проклятьями, отчаянными криками, матом и иногда с предсмертным визгом, затоптанного человека. А сзади напирала новая желающие, толкая впереди остановившихся на внезапно возникшую преграду. И людская масса рывками двигалась вперёд, задавливая упавших и слабых. Ограждение с той стороны Портала, не дававшая людям в спокойной обстановке приблизиться на опасное расстояние к краю Портала, было давно снесено и там периодически сверкали молнии электрических разрядов, убивая неосторожных и выдавленных в ту сторону. Толпа, при очередном громком треске разряда, истошно вскрикивала и сжималась в страхе, катясь мимо опасного места, а через пару минут новая волна эвакуируемых вновь повторяла несчастье и к куче обгорелых трупов добавлялись новые.

Взмывленные полицейские, совместно с ОМОНовцами, путём невероятных усилий наводили хотя бы видимость упорядочного движения, но через пять минут там что-то снова ломалось и хаос вновь воцарялся в той части.

А вот где люди ехали в эвакуацию на своих машинах и шли автомобильные колонны, загруженные техникой, оборудованием и другими припасами, был относительный порядок. Машины тянулись друг за другом, лишь иногда гудели, заставляя зазевавшихся прибавить ходу и уменьшить интервал между машинами. Чуть в стороне, в большом беспорядке стояло до десятка машин, где в куче было две легковушки и остальные грузовые. Это были сломавшиеся машины, которые тут же выдёргивали из потока трактором, чтобы не создавался затор. Капоты у них были задраны, одна машина стояла на домкрате и водитель лежал прямо на снегу, отчаянно крутя какие-то гайки на заднем мосту. Остальные тоже заполошено бегали вокруг своих машин, подбегали на несколько секунд к коллегам по несчастью, хватали ключи и ныряли под капоты, являя миру задницы, обтянутые самыми разнообразными штанами.

Понаблюдав несколько минут за всем происходящим, я позвал к себе ближайшего полицейского и приказал вызвать старшего офицера, который руководит всем здесь. И через пять минут передо мной предстал майор ОМОНовец, махнул рукой к головному убору и представился: – Майор Соколовский... – настороженно глядя на меня и не ожидавший ничего хорошего от начальника с той стороны.

Видя перед собой вполне уже вымотанного человека, я сам представился, кивнул головой в сторону людского потока и спокойным голосом спросил – Почему так плохо организован пропуск людей?

Майор оглянулся назад и с полминуты глядел туда, а когда там сверкнул очередной электрический разряд унёсший жизнь очередной жертвы, зло плюнул и повернулся ко мне.

– Ошибка произошла при планировании. Теперь-то понятно, что людской поток надо формировать как минимум за полкилометра отсюда, а не тут как планировалось. Я уже послал последний свой резерв к окраинам города, чтобы прервать и остановить поток. Как вот эта часть прокатится к вам, так начнём пускать партиями... Думаю, что тогда будет порядок хоть какой-то, а то как бараны прут....

– Что ж, нормальное решение. Одобряю. Так.., и теперь мне нужен от тебя толковый офицер, чтобы отправился в город, нашёл там твоё областное и городское начальство и передал мои указания.

– Да это не проблема, только добираться до начальства ему долго придётся. Безлошадные мы.

– А где ваша техника?

– Всю технику, товарищ генерал-губернатор, отдал под эвакуацию семей сотрудников, – бесстрашно и с неким вызовом заявил майор.

– Семьи переправили туда?

– Да...

– Что ж..., понимаю. Я как задачу поставлю, уеду на свою сторону и что-нибудь тебе пригоню, – пообещал и пока не прибежал его подчинённый капитан, рассказывал какой бардак твориться по окраинам города.

– Товарищ капитан, слушай приказ. Отправляешься в город, находишь там областного начальника УВД и городского..., – дальше рассказал, что видел в городе, в чём участвовал и что сделал. Приказал навести порядок под их личную ответственность. Отдельно заострил внимание на созданный мною отряд самообороны Севастьянова, и который теперь подчиняется лично мне, чтобы наладили с ними взаимодействие и оказали помощь.

– Через три дня, вот мой майор Пеньков, при втором этапе эвакуации приедет и проверит исполнение приказа, – закончил отдавать приказ и, ещё раз пообещав машины, тронулся со своим небольшим отрядом на нашу сторону, где в пятистах метрах уже стояли мои и руководили прибывшими людьми и техникой.

Что ж..., здесь был гораздо больший порядок, но только по причине, что народ, пройдя Портал, сразу же расплзался по разным маршрутам, освобождая место для следующих за ними. Хотя, вот такой резкий переход из зимы в разгар лета, ошеломлял идущих и едущих людей, которые невольно замедляли шаг и движение автомобилей, ошарашенно крутя головами в разные стороны и даже задирая головы вверх рассматривая поющих птиц. Но замедляться было нельзя, чтобы не создавался затор и мои люди шевелили поток и гнали их по заранее разработанным маршрутам и местам посадки в автобусы.

Хотя сразу бросились в глаза несколько навороченных джипов, пара низких иномарок, стоявших небольшой колонной в пятидесяти метрах, два мужских трупа и кучка здоровых амбалов на коленях, с заведёнными руками на затылках. А в стороне, догорающий старенький автомобиль и горестно стоявшая рядом семья – отец лет сорока, крепкая, но очень растрёпанная женщина этих же лет на коленях и качающаяся в горе из стороны в сторону и трое ребятшек. Двое пацанов старших классов и видать младшая сестра.

– Что тут у вас случилось, товарищ майор? – Задал вопрос подбежавшему с докладом старшему по Порталу майору Серёгину.

Майор мимолётно глянул на семью у дымящегося автомобиля, глянул в сторону джипов, энергично встряхнул плечом с автоматом: – Да тут такое дело, товарищ полковник, на джипах

местная бригада криминальщиков тихой сапой затесалась в нашу колонну, что шла из города на разгрузку. Хотели тихо проскочить, ну мы их отрезали и задержали. А у тех лопнуло внезапно колесо и ещё, как на грех, заглохла машина. Мы её БТРом зацепили, чтобы сдёрнуть с дороги и она не устроила затора, а там что-то замкнуло и вот полыхнуло. Да так быстро, что семья только и сумела, что выскочить и пару сумок выхватить. Вот теперь стоят...

– Понятно... А убитые чего?

– Да это когда мы их из колонны выхватили, они выскочили из машин с оружием и стали наезжать на нас. Ну мы то не менты, нас не запугать... Вот и пришлось самых борзых, которые уже целиться в нас стали, пристрелить. Остальных прикладами и на колени. Потом полезли по машинам, а там – оружие, боеприпасы, наркота, денег море, золотишко и другого полно. Сейчас всё выгрузили из машин, на брезент и опись составляем.

– Молодец, майор... Обязательно отмечу в Приказе...

– Спасибо, товарищ полковник, только вот..., – майор в смущении замолчал, явно подбирая слова, – тут у бандюг в машине нашёлся настоящий маузер, в деревянной колодке и патронов 600 штук... Может я, в качестве трофея, вместо Приказа себе его заберу... Давно мечтал о таком... Если можно!?

– Ха..., а губа у тебя не дура. Маузер хоть нормальный?

– Нормальный, товарищ полковник, 1915 года выпуска и даже не покоцанный. Видать на складах так сто лет и пролежал, пока вот этим не достался.

Я слегка задумался, а потом предложил: – Давай делаем так. Ты тащи сюда свой маузер и патроны. Вот если у тебя тут за время эвакуации всё будет и дальше нормально, я отдельной строкой в Приказе награжу тебя маузером официально и при регистрации его, ты поимеешь гораздо меньше проблем. Как тебе?

– Нормально, спасибо, товарищ полковник...

– Ну и лады, а сейчас свистни-ка главу семейства, а то он от горя сейчас в ещё не остывшие останки машины сиганёт.

Худой мужик с полминуты в полной прострации шурил на нас глаза, никак не врубаясь на призывы подойти. Потом всё-таки до него дошло и он уныло побрёл в нашу сторону, провожаемый безразличными глазами своего семейства, занятые своими переживаниями.

На вопросы отвечал тихим, убитым голосом: зовут Павел Павлович, работал завхозом небольшой больницы, в сгоревшей машине были все ценные вещи накопленные за годы семейной жизни, машине 18 лет, её подарили, скинувшись его родители и родители жены, когда они поженились, она была как член семьи и Павел Павлович хорошо за ней ухаживал и она верно служила семье, а вот сейчас сгорела, сгорели все деньги, спасли только документы и две сумки с детскими вещами, только он не знает то ли там вещи дочери, то ли пацанов...

– Как жить дальше то? Что делать? Прямо не знаю..., – закончил свой печальный рассказ Павел Павлович.

– Мда..., – только и осталось констатировать ситуацию. Я оглядел стоявших вокруг меня офицеров, внимательно слушавших и наблюдавших за всем этим.

– Мда..., – вновь повторил я и спросил, – А сколько денег у вас было?

– Не знаю..., у меня финансами жена заведует. Говорит, всё что было..., – он сгорбился и уткнулся потухшим взглядом с землю. На мужика жалко было смотреть.

– А ты сходи, Пал Палыч, и спроси у жены сколько было, – предложил ему и мужик нога за ногу поплёлся в сторону семьи, а через две минуты совсем упавшим голосом сообщил – сорок тысяч...

– Ну..., это дело поправимо. Серёгин, ну-ка тащи сюда из бандитских денег 120 тысяч. Давай, давай. Расписку потом с него возьмёшь...

В глазах мужика впервые плеснулась надежда и он неверяще смотрел на меня, а Серёгин уже бежал от брезента, где кучей лежали описываемые ценности.

– Вот..., – и протянул мне пачки денег.

– Неее..., ты ему отдай. – И Серёгин с важным видом сунул деньги в руки растерянному Павлу Павловичу.

– Бери, бери..., – подтолкнул я того словами, – это тебе твои сорок тысяч и восемьдесят тысяч... Так сказать – за моральный ущерб. Сейчас вас отвезут во временный лагерь, устройтесь с местом жительства, там магазины есть и купите что надо для жизни. И через десять дней я тебе обещаю другую машину. Не новую, конечно, но гораздо лучше, чем была у тебя. Серёгин, запиши его данные и как закончится здесь эвакуация, лично мне напомнишь о машине, а то я могу забыть. А ты Пал Палыч, иди к семье и успокой её. Всё будет у тебя нормально. Обещаю. Иди.

– Спасибо.... Спасибо.., – Павел Павлович, прижав к груди деньги, задом отходил от нас и всё благодарил и благодарил, потом повернулся и побежал к семье, но уже через десять метров снова развернулся.

– Кто вы и как вас зовут? – Крикнул он.

Я махнул рукой: – Кирилл Григорьевич меня зовут, а кто я – тебе скажут...

Я посмотрел на офицеров, которые по-доброму смотрели в сторону семьи погорельца, где глава семейства втолковывал жене, что «Клава, вставай – всё нормально...» и протягивал ей деньги. А та продолжала стоять на коленях и снизу смотрела на мужа и на деньги, которые он ей протягивал и не понимала, что он ей втолковывал.

– Вот так, товарищи офицеры, три часа прошло, а сколько было сделано дел, сколько людей спасли, скольким дали надежду, а вот этих осчастливили. Конечно, если смотреть со стороны, то чересчур слащаво и такая лубочная картинка, типа – «Прилетел волшебник на голубом вертолёте – кого спас, а кого одарил деньгами, вместо мороженого...». Но..., но вот так. Сами свидетелями были всему. Чёрт подери, Серёгин, если бы не ты со своими бандюганями, я даже не знал, что мне делать с этими несчастными. А так, сразу несколько дел решили. Серёгин – маузер твой. Прямо сейчас и при всех награждаю тебя. Потом в Приказ включим, а теперь иди, похвастай своими пленными и чем они там у тебя примечательные.

У счастливого майора рот в радостной улыбке, аж чуть ли не до ушей разъехался: – Есть там, есть там примечательные личности. Старшим у них бригадир по кличке Хомяк. И сам прям натуральный хомяк. Щёки во..., рожа лоснится и сам весь круглый...

Пока он расписывал главаря, мы подошли к кучке задержанных, с руками на затылке, скрученными пластиковыми наручниками и один из них полностью соответствовал описанию майора. Ну, точно – хомяк, только в рост человека и глаза совсем не хомячьи, а волчьи и взгляд такой же.

– А ты ему в рот, майор, заглядывал? Вдруг там, за щеками, золото складировано, – все засмеялись удачной шутке, вот только Хомяку это не понравилось и он угрюмо процедил.

– Начальник, давай не будем прикалывать, давай лучше договариваться.

– О чём? – Сделал удивлённое лицо.

– Развяжи, верни стволы. Они чистые, я гарантирую, верни технику, деньги можешь половину забрать и пропусти... Или же если не хочешь пропустить, мы сами уедем обратно в город.

– Не..., не договорились. Вы нам у себя и на хрен не нужны. Всё что у вас было конфискуем. Оно и нам пригодится... Так что – наказывают не зато что совершил, а за то что попался. А ты попался. И по крупняку... Не повезло вам.

Было появившиеся надежда в глазах рядовых быков, тут же погасла, а вот взгляд Хомяка, стал ещё более колючим и злым. А злость, как правило, ума не прибавляет, отчего он выбрал неправильную тактику разговора и стал давить «пургой».

– Начальник, я не знаю кто ты такой – большой или мелкий? Но я ведь тоже не сам по себе гуляю, и совсем не мелкая пешка, и хожу конкретно под Мордвином, если тебе это

что-то говорит. А он ни мало ни много, а смотрящий за областным центром. За ним стоят ну очень серьёзные люди и с большими деньгами, связями наверху и ты сейчас не меня вяжешь, а наезжаешь на всех этих больших людей. А они такие вещи не прощают. Ладно, мы наглядом попёрлись, мы отсидим своё, если не договоримся, а они тихой сапой переберутся к тебе, со своими бойцами и другими неприятными для тебя связями и делами и тогда они вспомнят, как ты обошёлся со мной. Так что пока не поздно, давай заруливать базар обратно и разъезжаться миром.

– Вот это борзота...! – Возмутился майор Серёгин, да и остальные выразили свои эмоции в различной тональности. Кто-то засмеялся над Хомяком и над его неправильно выбранной позицией, кто-то тихо матернулся, выразившись в смысле – «это звиздец...». Кто-то за моей спиной громко и сочно протянул – «Хомяк, ну ты и Дураккккк...!!!!».

А Серёгин продолжил: – Товарищ полковник, вы только скажите и мы их тут сразу кончим... Я сам их в распыл пушу... Скотов этих... Насмотрелся на них в той жизни.

Я приподнял руку, останавливая майора и других желающих поучить жизни, присел на корточки перед главарём, так чтобы смотреть в глаза в глаза.

– Хомяк, я тут действительно начальник. Только вот не мелкий, но и не большой... А самый главный. Я тут высшая власть. Целый генерал-губернатор и могу решить твою судьбу и твоих подельников на раз-два. Да и твоих смотрящих, вместе с серьёзными людьми и вашими связями. Как переберутся к нам, так и кончим их. Вон видишь, мои – расстрела твоего требуют. И не вижу причин не отдать тебя и твоих вот этому майору. Он мучить не будет – пулю в лоб и всё. А отпустить тебя я уже и сам не хочу. Тем более ты стал угрожаешь и давить на меня. Не Хорошо поступаешь! Совсем не хорошо. И вот как мне теперь быть? Подскажи. Может быть, у тебя есть свои варианты?

Хомяк и сам понял, что перегнул палку и после секундного замешательства, решившись, пошёл Ва-банк: – Хорошо, сдаюсь. Забирайте всё, освобождайте нас и мы возвращаемся в город, где я передаю ваш ультиматум своим... Я думаю – это нормальный для всех вариант.

– Что ж..., вполне такой нормальный вариант. И грех на душу не придётся никому брать и руки марать не надо, – с делано-задумчивым видом произнёс я и Хомяк начал незаметно, с облегчением, понемногу выпускать воздух из лёгких через уголки рта, такое же облегчение было написано и на лицах его подчинённых. Дав им насладиться мыслью, что через пять минут, ну через десять-пятнадцать, они будут бодро шагать в сторону города... Да и хрен с ним..., с деньгами и стволами. Новыми мигом обзаведёмся и всё вернём сторицей. Дав им это прокрутить в своих головах, продолжил, – только в город, вы вернётесь под нашим конвоем и чтобы это было надёжно, передадим вас майору Соколовскому. Он там старший. Пусть он решает вашу судьбу....

– Начальник...! Ты что творишь!? – Сорвался в крик Хомяк, поняв что с ним просто тупо забавлялись, играя словами, и он банально перетрухал, – не надо нас к Соколовскому... Он же нас грохнет не задумываясь...

– Чёрт, ну что это такое, – показушно возмутился я, – единственного мента знаю в этом городе и ты так насолил, что тебя нельзя ему передавать...

– А вот хрен тебе, – я отбросил добродушие и продолжил говорить уже зло, – знаешь такую поговорку – Что посеешь, то пожнёшь. Вот ты зло и посеял... Заодно майора и проверю на вшивость. Грохнет тебя и твоих – будет у меня областным начальником. Смалодушничает, передаст тебя другим – ну..., значит ошибся в этом человеке и офицере. Пойдёт в наше народное хозяйство ручками работать. Всё, Серёгин, гони их туда. Много чести с ними базарить. Да..., заодно майору Соколовскому передашь две их машины. Пусть пользуется.

Бандиты что-то умоляюще кричали. Хомяк, осыпавший градом ударов бойцов, орал что он согласен сидеть в нашей Зоне, только не отдавайте Соколовскому, но это продолжалось всего пару минут, потому что их быстро погнали в сторону города....

Глава 2

Я сидел за своим рабочим столом и в пол уха слушал посетителя. Вальяжного и важного, которого очень раздражало и злило непроницаемое выражение моего лица. Но он понимал также и щекотливость того положения, в котором сам, волей судьбы, оказался. Честно сказать, я и сам старался изо всех сил понизить уровень этой щекотливости. Даже непроизвольно усмехнулся, вдруг вспомнив летучее выражение далёких 90х годов прошлого столетия, звучавшая приблизительно так – «Я не знаю – кто я, но водителем у меня президент России». И щекотливость как раз и заключалась в том, что посетителем моего кабинета был немало и немного, а сам Президент России.

А Президент, увидев мою мимолётную ухмылку, видать принял её на свой счёт и ему стоило большого труда не вспыхнуть в неуправляемом раздражении. Он лишь повысил голос и продолжил свой недовольный монолог.

Я и раньше встречался с ним и с его предшественником по несколько раз в году, как правило, либо на рабочих совещаниях в очень ограниченном кругу участников без допуска представителей прессы и телевидения, либо один на один в его рабочем кабинете – Кремль, Сочи, в Московской загородной резиденции. Сидел напротив его и вынужден был изображать почтительное внимание. Поддакивать, тихо подсовывать разные графики, диаграммы, фоторепортажи, большие листы будущих проектов и всё время просить, просить, выпрашивать лимиты, убеждать, доказывать. При этом нужно было стараться не перегнуть палку или не перейти некую границу, когда тебе просто назло скажут НЕТ. А назло – потому что ты один единственный, который кое-что контролирует. И ещё из-за того, что прежний президент к тебе благоволил. И сейчас, без тебя... Вот этот безумный проект, вбуханные гигантские деньги, ресурсы..., люди. Не дай бог помру случайной смертью... И всё пойдёт прахом... Потому что за мной стоят другие люди, очень преданные мне. Очень уж многое было поставлено на меня. А отказать в нужном, хоть и временно – можно, тем самым, хоть и прозрачно, указать тебе твоё место.

Вот с его предшественником, Владимиром Владимировичем, работать было просто и удобно. Тот сразу всё понял: и важность проекта, грандиозность, уникальность и особенно его будущие перспективы. Поэтому мне просить не приходилось. Я предлагал, мы обсуждали и мне всё, что я просил, давали. Давали даже больше.

Я с интересом глянул на Президента и весело прикинул – А если бы Президент случайно узнал, что я не единственный уникам...? Да и вообще теперь не уникам, а всё это обыкновенная научная машинерия. Вернее, действительно, благодаря определённым обстоятельствам я стал уникамом, но теперь есть техническая составляющая моей уникальности. Раньше и сейчас, они все верили и верят до сих пор, что благодаря каким-то уникальным замыканием моего мозга, непонятно каких извилин, я могу делать ЭТО. А на самом деле, в результате научных изысков давно появилась банальная кнопочка, да ни одна, и есть несколько довольно простых приборов, которые и делают ЭТО. И есть преданные люди, которые нажимают на эту кнопочку, когда это необходимо и по согласованию со мной. И эти люди скорее умрут, чем позволят кому-то этой кнопочкой завладеть. Вот если бы он знал, как подступиться к этой кнопочке – я бы тут не сидел. Минимум, был бы изолирован от всего. Конечно, голодом бы не морили и предоставили определённый набор простых человеческих радостей в изоляции. Типа: хорошая жратва, секс раз в три дня с такой же заключённой. Хотя чего там. Ведь было это. И заключение в шикарном коттедже, с бассейном, со жратвой, с шикарной блондинкой, которая по первому моему зову раздвигала ноги и впускала в себя не потому, что она жутко любила меня, а потому что выполняла приказ. Были разные медицинские обследования. Аааа..., было ВСЁ. Даже видеокамеры в туалете – сверху, сбоку, на уровне. Даже в унитазе, хотя интересно – Что я такого мог сделать задницей, когда из меня выпадала кашка? Если было возможно или нас

было двое уникалов, меня бы растащили по частям, чтобы разобраться – как ЭТО происходит? А максимум грохнули, чтобы под ногами не мешался.

– Кирилл Григорьевич – Вы меня слушаете? – С показной, но умеренной злостью в голосе спросил Президент, на мгновение вернувшись в роль руководителя могущественного государства.

– Да..., да..., слушаю и очень внимательно.

– А мне вот показалось, что вы далеки отсюда, – язвительно и одновременно с обидой произнёс Президент Кузнецов Игорь Андреевич. – Я вот уже здесь целую неделю и общаюсь с твоими мелкими клерками, которые мне нагло врут – «Генерал-губернатор на выезде..., генерал-губернатор на выезде...». Я совершенно случайно сегодня узнал, что ты уже здесь целых три дня. Как это мне понимать? Понимаю, приехал поздно вечером... Всё понятно. Переночевал, привёл себя в порядок, съездил к себе на службу, последнюю информацию присовокупил и на доклад к Президенту... А тут не едет!? Это что за демарш?

Я молчал, слегка поигрывая ручкой в руках и смотрел на Президента, а тот помолчал немного и вспомнив, в каком положении он сам находится, уже примирительным тоном продолжил: – Мы ведь тут обсуждаем не просто наши какие-то мелкие делишки, а решаем судьбы многих тысяч человек и всей Колонии... Сколько вы там украли у нас их?

– Если быть точным, на сегодняшний день..., – я потянулся к краю огромного стола и выудил из стопки бумаг сводку, – так, что там у нас сегодня? Так вот тридцать восемь миллионов двести сорок пять тысяч сто двадцать человек...

– Не понял!? Откуда такая цифра? Вы же докладывали совершенно другие цифры. Как мы договаривались – не больше пяти миллионов человек..., – взбеленился Президент, – и расчёты у нас другие были...

Он продолжал бушевать, а я молча наблюдал за этой «бурей в стакане» и мне было одновременно и жаль, и презирал его. А самое главное – Я не знал, что с ним делать? Потому что он и те, которых он с собой притащил, были отработанным материалом. И даже сейчас, в пылу обвинений, забыв причину своей гневной вспышки, закончил категорическим требованием: – Значит так, дорогой Кирилл Григорьевич, в тебя, вот в это предприятие и Колонию мы вложили офигенные бабки, ресурсы и людей. И теперь, наступил тот момент, когда тебе говорят открытым текстом – Ты нам должен.

– По конкретней – Что я должен? И что должен сделать? – Что ж пришло расставить все точки и всех по своим местам.

Президент озадаченно откинулся в кресле и с несколько удивлённым видом взглянул на меня, пытаясь правильно понять скрытый смысл моих вопросов. То ли они заданы с явной агрессией? То ли я просто жду его указаний? Не разгадав ничего, он решил продолжить: – Со мной сюда прибыл премьер-министр, со всем правительством, мой аппарат Администрации президента, полностью Законодательное собрание, Конституционный суд и ряд других учреждений. К сожалению, только половина депутатов Государственной думы...

– А также ваша личная охрана, челядь, давайте называть всё своими именами, и нужные вам люди. Вы прибыли – вас встретили и разместили. – Вклинился я, когда Президент переводил дух.

– Не перебивать, когда Президент говорит..., – вновь вспыхнул Президент.

– Президент – Чего? Игорь Андреевич! – Я слегка стукнул кулаком по столу и задал провокационный вопрос, двойного смысла которого, Игорь Андреевич не успел понять. Он величественно встал и торжественно заявил.

– Я – Президент России. И за мной стоит Правительство и государственные органы.

– Какой России? Где она Россия? Куда вы её дели? Вы хоть сами понимаете в чьём кабинете вы сейчас стоите? Правительство говорите...! Государственные органы! А что за ними? А ничего. Одно название. А за мной – Вот она..., – теперь я встал с кресла, поднял руки и широко

развёл их, – КОЛОНИЯ. Народ Колонии и спасённые мною люди. Не вами, а мной. Который, их вытащил оттуда. И не просто вытащил нужных и полезных людей, а вытащил с семьями, родственниками и близкими друзьями. И я их кормлю, дал дальнейшую цель жизни, обеспечил работой. И это сделала Колония, а не вы со своими органами. И я их обустроиваю жильём. Вернее, Колония, которую создал и которой руковожу. И за мной не просто органы стоят с голыми названиями, а полноценно работающие. А если надо то и силу применю – потому что здесь ещё есть своя армия, своя полиция и свои карающие органы. И что вы можете мне противопоставить? – Сел в кресло и откинулся на спинку, с интересом ожидая ответа, слегка подрастерявшего свой апломб Игоря Андреевича. Но тот быстро пришёл в себя, сел и, помолчав с минуту, тихо произнёс.

– Вон ты как заговорил!? То есть, за всё, что мы тебе сделали – Ты нас кидаешь?

– Хм...., – хмыкнул с сарказмом и с деланным удивлением произнёс, – не ожидал, что Президент великой страны может мыслить криминальными категориями....

– Не придирайся к словам. Приходится, потому что я сейчас вот эту проблему вижу под таким углом, – решительно парировал Президент.

– Так и углы бывают разные, Игорь Андреевич – равные, острые и тупые. Так что спешить с выводами так категорично ещё рано.

– Не рано, а как раз вовремя. В этом проекте заинтересовано очень много людей и людей очень серьёзных и влиятельных, поэтому и пришло время расставить все точки. Мы сюда прибыли и теперь требуем своего. Отдачи... Если ты беспокоишься о себе и своих людях – не беспокойся, не обидим. Будете работать и дальше, как работали. Ну..., естественно кроме одного – властью придётся поделиться. И будет логично, что часть полномочий ты передашь более опытным людям... И естественно, что Колонию, как правопреемство России, должен возглавить я. Законно выбранный Президент. Ты точно также будешь участвовать в принятии решений. В конце концов, ты тут лучше нас владеешь всей обстановкой, но сам должен понимать, что есть люди гораздо старше и опытней чем ты. – Президент на какое-то время ощутил себя в своей стихии, когда он мог давить своей властью, авторитетом должности, угрожать силой, стоящей за своей спиной и обещать..., обещать... А там..., а там посмотрим и что-нибудь предложим. И вот эта аура всеисильности мгновенно успокоила его, снова превратившегося в высшего чиновника. Тем более видя, что сидевший напротив него молчал, лишь глядя исподлобья, и Президент даже принял вальяжную позу в кресле, с интересом ожидая ответную реакцию и предполагая с моей стороны живую, определённую торговлю за более высшие должности и степени участия во власти.

На некоторое время в кабинете установилась тишина и Президент почти уверовал в свою победу и готов был озвучить своё конкретное предложение. Сегодня утром президент и премьер министр собрались своим ближним кругом единомышленников и определили, что предложить и чем теперь будет заниматься Куликов со своими людьми. Причём так, чтобы они не имели особого влияния на их планы и деятельность, да и банально не мешались под ногами. Ну..., а если Кирилл Григорьевич заартачиться и упрётся...!? Что ж, проблему придётся решать кардинально. Тем более, что прибывшие сюда люди обладают огромным опытом политических интриг и очернить, свалить Куликова будет только делом времени.

То, что меня постараются устранить, удалить от власти, от центра принятия решений под благовидными предложениями, я это прекрасно понимал – «Мавр дело сделал, теперь мавр должен уйти». Даже понятна технология устранения меня от рычагов власти. И здесь вариантов всего несколько. От благостных, до печальных. А мне и моим соратникам ни тот и ни другой просто не подходят. И раз он хочет расставить все точки – тогда будем расставлять.

– Игорь Андреевич, прежде чем приступать к обсуждению расстановки точек над «I», я бы предложил вернуться к уважительному обращению ко мне на «ВЫ». Я на данный момент не

ваш подчинённый. Это была вынужденная позиция ещё «вчера». Но сегодня мы разговариваем почти на равных.

Президент протестующе зашевелился в кресле, выдираясь из удобных кожаных объятий, и хотел было прервать меня, но я резким взмахом руки осадил его: – Честно сказать, мне даже выгодно ваше тыканье, чисто психологически оно даёт мне большую свободу в нашем разговоре и делёжке власти и толкает на силовые способы решения спорных вопросов. Но с другой стороны и размывает границы, когда в горячке спора можно перегнуть палку при принятии решения. Поэтому давайте на ВВ и в спокойном русле...

– Хорошо, я согласен, – президент наконец-то выбрался из мягкого нутра кресла и принял деловую позу, демонстрируя внимание.

– Отлично. Давайте поступим следующим образом. Последние месяцы, как для меня и моих людей, так и для вас были нелёгкими и нервными. Все работали на износ, не спали сутками. Я своим на это время запретил отпуска и выходные. И всему населению в том числе. Все устали. И в этой усталости запросто можно совершить ошибку. Поэтому и объявил по всей Колонии недельные выходные. Я тоже немного отдохну и в течение 3х дней, в спокойной обстановке, обдумаю сложившиеся положение. Считаю, что вполне возможное противостояние и двоевластие, которое может возникнуть в результате некоего недопонимания между нами – оно не нужно никому из нас. Вы тоже подумайте над этим. А дня через три, так скажем 7го июня, в 12 часов, я готов встретиться с прибывшими с вами серьёзными и влиятельными людьми. Предполагаю, что это будут Президент, администрация президента, правительство, Совет Федерации, депутаты Государственной Думы... и ряд других влиятельных товарищей....

Я замолчал, а дождавшись подтверждающего кивка, продолжил: – Вот и хорошо. Я там выступлю и расскажу о сложившейся обстановке, о путях выхода. Потом готов выслушать ваши конкретные предложения и ваше видение будущего. После этого озвучу своё видение выхода из создавшегося щекотливого положения и отвечу на все ваши вопросы. Вот это, я считаю, будет правильной и легитимней, чем мы здесь кулуарно собираемся обсудить. Как вам такой незамысловатый планчик? Тем более, что у меня реально сейчас нет времени на обсуждение. Меня ждут люди....

И как бы ставя точку, на столе ожил селектор и голосом секретарши Светланы Александровны (это когда официально, а так без официальщины Светы) произнёс: – Кирилл Григорьевич, всё готово, все собраны...

– Ну вот, что и говорил..., – я развёл руками, и этим широким жестом давая понять собеседнику – «Рад бы, но как видите – дела... А вам пора на выход».

– Вы же говорили, что у вас объявлен выходной, а тут совещание. Мы ведь могли ещё бы поговорить, тем более есть, что ещё обсуждать, – сварливо и недовольно заговорил президент.

– Нет, не совещание, а официальное мероприятие – подведение итогов вот всех этих мероприятий, которые вы называете грабежом. Награждения и потом посидим, немного расслабимся в своём кругу. Выпьем... Всё-таки мы довольно удачно и продуктивно решили все свои вопросы по эвакуации, как людей, так и ресурсов.

– Наслышан я об вашей эвакуации. Это было больше похоже на беспардонный грабёж взятого города..., да и хотел бы вам напомнить о расстрелах гражданского населения с вашей стороны и при вашем личном участии. И если на это посмотреть под разными углами, то можно сделать несколько выводов: либо это была крайняя необходимость, либо банальное уголовное или военное преступление..., – продолжал злиться президент, переходя на наглый шантаж. Но потом спохватился и тут же перевёл разговор на другое. Прекрасно понимая, что ему в вежливой форме показали «на дверь» и после его, такого явного демарша, Куликова просто нельзя оставлять одного и нужно исправлять допущенную оплошность. Поэтому несколько сварливо продолжил, – а Президента своей страны вы не удосужились пригласить...? Я, может быть, тоже хочу расслабиться...

– Игорь Андреевич, это моя компания и вам там явно не понравится. У нас свои разговоры и вы там будете чувствовать не в своей тарелке. А так мы ведь всегда можем найти время и тоже посидеть в неформальной обстановке....

– Что вы меня уговариваете, как бабу? Я хочу поучаствовать в этом мероприятии, я хочу посмотреть на людей, как понимаю, с которыми вы принимаете решения. Так что – еду с вами.

– Что ж... Не против, только сразу предупрежу, чтоб потом не было обид – пиетета в свой адрес вы не услышите и не увидите. Прошу..., – я сделал приглашающий жест в сторону двери и, дождавшись, когда он встанет, добавил, – прошу прощения, вы в приёмной пообщайтесь со Светланой Александровной, а я пока переоденусь...

Вышел через десять минут в приёмную уже в парадной форме, встретив удивлённый взгляд Президента.

– А это зачем? – Кивнул головой на форму.

– У нас банкет в Офицерском Собрании и правило – посещение собрания только в военной форме.

– А я? Я же гражданский и не в форме, – растерянно протянул президент, но тут же поправился, – хотя.., я ведь главнокомандующий.

И тут же подмигнув Светлане Александровне, гордо расправил плечи и, чуть добавив фривольности, со значением сказал: – И как мужчина я тоже ничего... А?

А Светлана Александровна лишь выдала улыбку с точной отмеренной дозой, которую если перевести на народный язык, говорила – «Да пошёл ты... У меня свой мужик есть. И лучше чем ты».

Перекинувшись парой фраз со Светланой Александровной, на которую Президент продолжал смотреть заинтересованным мужским взглядом, мы вышли в длинный и пустынный коридор.

– Единственное светлое пятно здесь – это Светлана Александровна, – с чувством произнёс Президент, немного оттаявший от нашего разговора, хихикнул несколько скабрёзно и продолжил, – судя по её взгляду, она по-моему влюблена в вас. Так что если между вами ничего не было ещё, вы можете воспользоваться ситуацией.

Я кинул внимательный взгляд на шагнувшего рядом Президента. Что ж, как бы к нему я не относился, но сказать что он не видный мужчина, это значит погрешить против истины. Высокий, правильные черты лица, причём привычка отдавать приказы, делает лицо властным и волевым, хорошо скроенная фигура, манеры и бархатный голос, которым он может очаровать, заморозить, расположить к себе менее стойкие натуры. Ну, а уж женщин..., тем более.

– Игорь Андреевич, я как-то не склонен в этом ключе подобные ваши высказывания обсуждать. Всё понимаю и разделяю ваше рассуждение насчёт «светлого пятна», но хочу прекратить этот разговор. Мне он не нравится.

– Да ладно вам, Кирилл Григорьевич, не обижайтесь. Я так..., по-мужски. Твоё – значит твоё.

Честно сказать, идея со Светланой Александровной принадлежала моему ближнему кругу, видя, как их начальник ведёт нерегулярную половую жизнь, что может привести к печальным последствиям. И тому были веские причины. Мне было 42 года и за плечами 14 лет супружеской жизни. Поженились с супругой по любви, сразу же после окончания военного училища и можно сказать, что нам повезло. Распределился в мотострелковую бригаду в крупном городе. Сначала было сложновато – денежное содержание маловатое, жильё приходилось по первому времени снимать за приличные деньги. Но тут повезло с двухкомнатной квартирой, которую получил прямо в военном городке при бригаде. А потом жена нашла шикарную работу и стало гораздо легче в финансовом плане. А там родился сын и жену даже попросили раньше выйти из декретного отпуска, таким ценным специалистом она была. У меня тоже шло всё – звания и должности, в срок и вовремя. Престиж армии постепенно подымался, вместе с

ним и денежное довольствие. Да и вообще везло, как иной раз завистливо говорили более старшие сослуживцы, пьяно обняв за плечи: – Чего ты хмуришь, Кирилл? Везёт тебе... Чечню не застал, Осетию проскочил мимо, в облик новой армии вписался – не то что некоторые. Боевые действия в ЛНР и ДНР тебя не коснулись. Сирия мимо, и получаешь всё вовремя. Вон уже и дорос до командира батальона. Жена красавица. Везунчик... А мы всё это на себе протащили. Я вон один раз посчитал сколько не был дома за эти годы службы... 7 лет... 7 лет семья жила одна и дети росли одни... А ты везунчик...

Да..., всё так и было и хмурился оттого, что это пролетало мимо, а хотелось полноценного военного опыта. И хмурился ещё от того, что с женой красавицей вдруг не заладилось. И повода ей не давал и она тоже старалась, но вот ссор стал больше и причин для недовольств мужем тоже больше. Всё ей казалось не так и не эдак. Требовала к себе большего внимания, а я со своей службой столько ей дать не мог. Приходил домой выжатый как лимон и хотелось просто отдохнуть, а ей хотелось куда-то идти, в какие-то компании, где я чувствовал себя лишним. Нет, люди там были неплохие, но приходилось тужиться и изображать на лице и внешне такое же веселье. И, в конце концов, она поставила ультиматум – Или семья или Армия!

Правильно поняв, что Армия была лишь поводом для такого ультиматума, а не причиной – я выбрал Армию. Расстались к обоюдному облегчению спокойно и без ругани. Он ей и сыну оставил двухкомнатную квартиру, а сам переехал на арендованную однокомнатную на противоположном конце военного городка, чтобы реже с ними сталкиваться на территории. Со всеми этими ссорами, чувство к жене угасло, а она сумела настроить сына против отца. Так что нечаянные встречи только добавляли горечь и досаду.

И ведь умная женщина, но насмотревшись длинных, глупых женских сериалов, поглядев на своих далеко не умных подруг, которые всё судили тоже по киношной жизни сериалов, вдруг возомнила, что я вновь начну за ней красиво ухаживать, дарить цветы, приглашать в рестораны и в конце концов предложу снова жить вместе. А она благосклонно согласится при обязательном условии – я выполню её желание уволиться из этой дебильной армии и новая жизнь потечёт в новом блистающем направлении... Но вот дальше она не задумывалась и это направление терялось в тумане. Главное здесь определяло – блистающий туман.

Но оказалась жестоко разочарована – я не предпринимал даже эфемерных потуг в этом направлении, а наоборот старался избегать даже случайных встреч. Теперь она бегала за мной, вылавливала везде и устраивала публичные сцены, обвиняя хрен знает в чём... В том числе и во всём. Это меня просто выматывало и я терпел, сжав зубы, считая месяцы до поступления в академию... И давая себе клятву, больше никогда не связывать себя узами брака.

Да, конечно, не монашествовал. Были женщины, но исключительно для секса. Были короткие отношения, были длинные отношения, но как только чувствовал, что дело идёт к разговору о совместном проживании, отношения рвались безжалостно. А здесь было несколько по-другому. Увлечательная и азартная работа над Проектом поглотила меня полностью и о женщинах я вспоминал, только когда было уже невмоготу. Я был при власти, здоровый, нормальный мужик, поэтому желающих оказаться в моей постели, а может ещё и захомутать, было полно... Мне и самому не нравилось такая неправильность. Хотелось чего-то постоянного, но печальный опыт супружества, вновь гнал меня из женской постели, даже и очень перспективных женщин, с которыми мне было хорошо.

Вот тут-то и появилась в моей жизни первая привязанность к женщине. К Лене, которую я спас от изнасилования в первом Хапке. Очень уж она мне запала в душу всем: и внешностью, и своей женской изюминкой, темпераментом, да и видно было что не глупа, тем более сама предложила продолжить знакомство. Фамилию я знал, поэтому через неделю после окончания Хапка, вызвал к себе Павла, моё доверенное лицо, в официальном статусе личного помощника с соответствующими полномочиями, которое тихо выполняло мои личные поручения и не бол-

тало лишнего. Задача была найти Елену Агапову, раздобыть на неё и её мужа всю информацию. А через неделю на стол лёг отчёт.

Сам Павел, сидел напротив и, увидев, что отчёт был отодвинут в сторону, стал рассказывать: – Елена Викторовна Агапова, тридцать три года, замужем, детей не имеет. Старший экономист банка, входящего в первую двадцатку банков России, опытный и ценный работник, ответственный работник, сильный переговорщик и перед известными событиями в России планировалась на повышение. Её хотели поставить во главе одного из экономических направлений деятельности банка, но случились события и она была вынуждена эвакуироваться. Наиболее полная информация по её деятельности и банка изложена в отчёте. Детей не имеет по причине её мужа. Он в детстве простудился и получил осложнение на мужской орган. О её личной жизни – с кем и как, всё тоже там.

Агапов Андрей Павлович, научный сотрудник областного ботанического сада. Довольно известная личность в узком круге ботаников, является специалистом по очень узкой специализации сельского хозяйства. Более конкретно в отчёте. Хочу только добавить два момента. Первый, профессионального плана – он перед эвакуацией закончил диссертацию и готовился к её защите. Второй – личного плана: безвольный подкаблучник и типичный сопливый интеллигент, способный утопить в словах и сомнениях – всё. Эти два момента отмечают все, с кем приходилось общаться.

Закончив докладывать, Павел вольно откинулся на спинку стула и, подняв глаза к потолку, продолжил отчитываться: – Я, Кирилл Григорьевич, предполагал, что вы не ограничитесь только сбором информации об этой паре, поэтому проявил инициативу. И сейчас не знаю разумную или дурацкую, но я дал команду, чтобы их перевели сюда в течение трёх дней...., – Павел опустил глаза с потолка на меня и выжидающе уставился.

– Давай, давай продолжай. Разумная инициатива, – поощрил я его.

Павел сразу оживился и снова принял рабочее положение на стуле: – Значит так. С Агаповым Андреем Павловичем всё нормально. В нашем местном сельскохозяйственном институте его работы знают и готовы хоть завтра принять и даже дать полный карт-бланш по его профилю. А вот с Еленой Викторовной моих возможностей не хватает. Тут, в одной нашей финансовой структуре есть как раз свободное место начальника отдела, а я туда не вхож. И как понимаю, вы тоже не хотите светиться в этом деле.

– Правильно понимаешь. Завтра подойдёшь и я тебе скажу, через кого ты устроишь Елену Викторовну. Это первое. Второе: из нашего фонда выберешь им дом с участком... Это в коттеджном посёлке у озера. Второе: опять же через наш фонд, как новым и перспективным специалистом, выплатить достойные подъёмные. Чтобы люди сумели обставить дом, одеться, обуаться и всё остальное. А через две недели её номер телефона мне на стол...

Через две недели я позвонил. А на следующий день стоял у машины и волновался как школьник, глядя как ко мне приближается шикарная женщина и мне только и оставалось солдафонским манером восхититься.

– Чёрт побери! Лена, да я боюсь тебя даже поцеловать и готов сам тебе отдаться. Прямо здесь и на асфальте.

Восхитительная и воздушная Елена с ходу приняла игривый тон и погрозила пальчиком: – Но.., но..., господин полковник, не забывайте что вы офицер, а не солдафон. И не спешите, как на тараканьи бега. Вы ещё успеете отдаться. – После чего мы оба рассмеялись и она позволила поцеловать себя в щёчки. Отстранилась и критически оглядела с ног до головы.

– Что ж... Ты и в гражданке смотришься очень даже хорошо, особенно на фоне такой классной машины. Каковы наши планы и куда мы едем на такой машине?

Я открыл дверцу и Лена царственно села на передней сиденье, я мигом оказался за рулём и тихо тронул с места: – А планы у нас очень простые. Как у любого солдата. Сейчас едем за город, в одно элитное местечко, где лишние люди не ходят, но можно тихо и спокойно поси-

деть, покушать, выпить хорошего вина, послушать музыку и потанцевать. Потом, если ты не разочаруешься во мне, мы проедем ещё в одно тихое и уютное местечко, где мы будем только одни и в нашем распоряжении будет шикарный дом и большое, красивое озеро. Ну... это просто наметки плана. И он может поменяться мигом если какие-то пунктики тебе не нравятся, – поглядел на Лену, которая уже отдалась тихому и плавному движению машины и выглядела на всё согласной.

– Лена, вот только я не знаю временных рамок этого плана. Как с этим? – Задал щекотливый вопрос.

Она загадочно посмотрела на меня и тоже спросила: – А как ты думаешь? Имеет право жена отдохнуть и съездить к подруге с ночевой? Особенно после всех этих хлопот с новым домом, с обстановкой, после недели работы на новом месте... Я думаю, что имеет. Я своего Агапова тоже загрузила планом по домашним делам так, что он очнётся только, когда я приеду. А это будет завтра, примерно в часиков 12 дня.

Облегчённо вздохнул и скомандовал: – Ну, моя принцесса, тогда – вперёд, – и мы оба счастливо и легко засмеялись.

Элитный ресторанчик «На холмах», хотя, честно говоря, эту возвышенность холмом назвать было сложно, но тем не менее располагался удачно и с его просторной веранды открывался пасторальный вид, с даже пасущимися на зелёной траве горстью коров. А с трёх сторон шумел смешанный лес, больше похожий на ухоженный парк – с дорожками, прудами с беседками и другими уединёнными местами. Всё чистенько, ухоженно и приятно. И всё для того чтобы люди также приятно и спокойно провели здесь время. Это был ресторан для местной элиты и обычный люд его не посещал – цены, фейс-контроль, невозможность проведения шумной пирушки и строгий дресс код – всё это отпугивало шумную и легкомысленную молодёжь и людей со вкусами попроще.

Нам накрыли на веранде и через широко открытые двери к нам лилась тихая музыка, настраивающая на приятное и спокойное общение.

– Кирилл, ты здесь часто бываешь? – Спросила Лена, как только удалился официант от нашего столика.

– А почему ты про это спросила?

– Просто он всем своим видом излучал готовность всемерно угодить. Я понимаю, элитный ресторан, вышколенная обслуга, но он это излучал совершенно по-другому.

– А ты оказывается наблюдательная и я в тебе всё больше открываю интересных пунктиков...

– Да, наблюдательная и пунктиков интересных во мне ещё больше чем ты думаешь, поэтому могу тебе сказать, что в зал вошёл мужчина, очень решительного вида, крепкого телосложения и он следит за тобой или за нами. Тем более, что я его заметила, стоявшим у джипа, в отдалении от места нашей встречи. Там также стояли ещё несколько крепких молодых мужиков. Это ваша мафия и им что-то надо от тебя?

Я рассмеялся и мягким движением положил руку сверху руки Лены: – Успокойся, это стереотипы из твоей прежней жизни. У нас мафии нет, нет и организованной преступности. Есть правда преступления, но они редки, так как у нас законы и судопроизводство очень простое и быстрое. И нарушать наши законы просто не выгодно, – я обернулся и посмотрел в зал, где у барной стойки уютно разместился мужчина, показавшейся моей спутнице подозрительным, – это Алексей, а тех кого ты видела недалеко от места нашей встречи – они сейчас находятся снаружи здания. Это моя охрана.

– Это твои офицеры или солдаты? А от кого они тебя охраняют, если у вас нет преступности? – задала правильный вопрос Лена.

– Ну, раз пошли такие серьёзные вопросы, придётся ответить – мне охрана положена по статусу моего положения. Лен, это служба и это очень скучно, может быть мы перейдём к более интересной теме?

– Нет уж. Если тебе положена охрана, ты катаешься на шикарной машине, являешься постоянным посетителем тоже шикарного ресторана, значит ты занимаешь высокое положение. И кем ты тогда работаешь или служишь, Кирилл?

Намекаяюще приподнял бокал вина, стукнулись тонкими стенками бокалы и когда оба сделали по паре глотков, я шутливо изобразил тяжёлый вздох, сделав кислое лицо, и вынужден признаться: – Ну что ж, тогда буду колоться до конца. Только без обид, так как я сам на этом не хотел заострять внимание. Мне просто хотелось без всяких там наворотов посидеть, пообщаться как обычные мужчина с женщиной. На самом деле я не частый гость вот этого, действительно, дорогого и уютного заведения. Просто официант знает, кого он обслуживает, поэтому и лез весь из кожи.....

Намеренно замолчал, глядя на чистое и серьёзное лицо спутницы, в её глубокие синие глаза, откуда еле вынырнул и продолжил: – Просто я генерал-губернатор и высшее лицо этой Колонии...

Я мог ожидать любую реакцию, от гордого и оскорблённого вида, типа – я не такая, я не продаюсь... До истерично-восторженной радости от осознания кого отхватила, но был слегка удивлён лёгкому, задорному смеху Лены, которая сплеснув руками, откинулась на спинку стула: – Ну, надо ж!?! А я всё думала, как генерал-губернатор похож на знакомого полковника... Тут три дня назад купили мы в гостиную большой телевизор, а так как оба работаем, то домом и обстановкой приходится заниматься после работы. Умотались и уже поздно вечером повесили и включили телек и бухнулись без сил на диван. Как раз ухватили конец сюжета в новостях, всего то секунд десять, где генерал-губернатор что-то обсуждает с руководством в цехе завода. У меня ещё тогда мелькнула мысль – Не Кирилл ли это? Но вспомнила, что мой Кирилл – только полковник, а уж генерал-губернатор, как минимум наверно генерал. Мелькнула мысль, сюжет закончился и мысли на этом тоже кончились. А эвон как повернулась... Теперь-то мне понятно откуда домишко, хорошая работа и приличные подъёмные.....

Лена резко замолчала и стала, задумчиво глядя на меня, мелкими глоточками пить вино, а я сидел озадаченный и, не понимая, как мне воспринять её слова и вообще, как теперь себя вести.

– Лен, ты что обиделась? Если мне женщина понравилась и я имею возможность сделать её жизнь более комфортной – Почему нет? Честно говоря, я опасался этого момента, когда ты узнаешь, кто я такой и старался отдалить его. Мне с тобой было бы хорошо, даже если я был и простым полковником. Неужели, ты сейчас оскорблённо встанешь и откажешься от всего?

Лена хитро прижмурилась и прелестно помотала пальчиком над столом: – Не дождёшься, одним из моих пунктиков как раз является практичность. И я ж не виновата, что мужчина, который меня спас от насильников и который мне очень нравится, оказался генерал-губернатором. Значит, мне повезло и я не вижу смысла отказываться от всего этого. А теперь, Кирилл, давай хорошо выпьем за тебя и ты мне расскажешь, как это у тебя всё вот так получилось....

И я начал рассказывать охотно и легко, с удовольствием наблюдая искренний интерес к моему рассказу, непосредственную реакцию молодой женщины, которая то сдвигала брови, когда речь шла о не совсем лёгких моментах, то заливисто смеялась, то придвигалась поближе ко мне, ловя каждое слово, чисто по-женски ахала и охала и поощрительно улыбалась. Я рассказывал ей больше, чем гласила официальная версия истории возникновения Колонии, пропуская лишь моменты, связанные с тайнами и секретами этого Проекта, а когда закончил повествование, она накрыла своей лёгкой рукой мою и с лёгким сожалением прошептала.

– Как жаль, Кирилл, что мы не встретились с тобой, когда были молодыми. Ты настоящий мужчина...

Теперь я взял её руки своими и, глядя в её глаза, спросил: – А что нам мешает сейчас... Встретиться и продолжить жизнь уже вместе.

Её глаза слегка затуманились грустью и, потянувшись ко мне, она поцеловала: – Давай не будем торопиться и о грустном. Раз встретились, давай веселиться. Кто-то ведь обещал мне танцы, музыку и всё остальное.

И остальное началось. Мы общались, рассказывая друг другу о своей жизни, обтекая темы семейной жизни, смеялись над смешными эпизодами, кушали, пили вино и медленно танцевали под тихую музыку, ощущая друг друга каждой клеточкой своего тела. Потом прыгнули в машину и поехали в обещанный шикарный дом. Время было ещё раннее и мы, быстро переодевшись в купальные принадлежности, прыгнули на катамаран и весело крутя педалями, отправились к красивому, зелёному острову на середине озера. И вот тут, на небольшом, уютном песчаном пляже у нас и случилась первая близость. А потом в нашем распоряжении была вся ночь и мы снова и снова любили друг друга.

В двенадцатом часу следующего дня, я высадил её слегка уставшую и умиротворённую на месте нашей вчерашней встречи. Горячо обвила меня за шею и поцеловала, откинувшись немного, глядя в глаза и прошептала: – Кирилл, может быть, сейчас скажу банальные слова, но мне с тобой вот всё это время было очень, очень хорошо. Спасибо тебе.

– Мне тоже, Лена, давно, даже забыл, когда это было, но мне тоже было хорошо. Очень хорошо. Я прямо счастлив...

Лена открыла дверь и, легко выскользнув из машины, махнула мне рукой: – А пока мне пора... До встречи, дорогой..., – и пошла легкой походкой по тротуару, легкомысленно помакивая сумочкой.

И закрутился, завертелся бурный роман. Как это было мне не стыдно, но с моей подачи её мужа отправили в длительную научную командировку. Причём, тему командировки в институте ему предложили такую, что он готов был отправиться туда чуть ли не прямо с кабинета, без заезда домой. А через месяц, когда он вернулся с ворохом дополнительной научной информации, он с головой погрузился в переделку диссертации, что тоже давало нам возможность беспрепятственно встречаться. Я был практически влюблён и давно не испытывал таких эмоций, когда думал о ней, с нетерпением ожидая новой встречи и когда видел её такие же искрящиеся, влюблённые глаза. Всё шло к тому моменту, когда мужчина созревает и делает своей избраннице предложение. Но пока меня останавливало её замужество и её отношение к своему мужу. И я ждал, когда она тоже созреет и готов был ответить сразу «Да», если она об этом заговорит первой. Но когда этот момент наступил, произошло неожиданное.

В эту ночь она была тихой и необычайно ласковой и нежной. Мы заканчивали пить утром кофе в гостиной моего дома, когда она, внутренне решившись, сказала: – Кирилл, у меня к тебе есть три сообщения. Одно приятное. Правда, я не знаю, как ты на это отреагируешь. Второе и третье – неприятные. Я думаю, что надо начать с приятного..., – и замолчала, вопрошающе глядя на меня.

– Вот оно. Сразу скажу – Да, – у меня в радостном предчувствии сладко сжалось сердце, улыбнулся и ответил, – давай с приятной. Неприятного мне и на работе хватает.

– Хорошо, – она взяла мои руки в свои и, лучисто глядя в глаза, прошептала, – Кирилл, у нас будет ребёнок.

– Лена, солнышко моё..., – дальше я не мог говорить, а подхватил её на руки, сильно прижал к себе и стал в восторге вальсировать с такой приятной ношей на руках.

– Пусти меня, пусти ненормальный... Уронишь ведь..., – счастливо смеялась Лена, а сама прижималась ко мне и целовала. Через несколько минут, когда прошёл первый приступ восторга, я осторожно опустил её на диван в гостиной, взял её руку и сделал предложение.

– Ну, теперь нам остаётся решить последний вопрос. Лена, я предлагаю тебе свою руку и делаю предложение – стань моей женой.

Она нежно и с благодарностью поцеловала, откинулась и с печалью в голосе сказала: – Кирилл, ты забыл – я уже замужем.

– Тогда надо развестись, – немедленно последовал ответ, хотя сердцем я уже почувствовал отказ, хотя даже не хотел в это верить, ведь всё шло именно к нормальному финалу, – ребёнок должен быть с мамой и папой.

– Кирилл, я не могу. Не могу развестись. Ты же сам мне рассказывал, когда на меня собирали информацию, то одна из моих черт характера – это ответственность. Агапов мой муж и как его жена я могу думать и открыто говорить о его недостатках, как мужчины, так и мужа. Но он любит меня. И второе что он любит – это свою науку и он очень слабохарактерный. Я тоже когда-то любила его. Сейчас не люблю, но уважаю. Люблю тебя. Но если я уйду от него – он погибнет и как человек, и как учёный. И он мой крест, который должна нести. И сейчас, когда у нас будет ребёнок, мне его будет нести гораздо проще. Я знала, что когда ты узнаешь о ребёнке, то сделаешь мне предложение, поэтому очень всё обдумала и говорю тебе – Нет. Только ты не обижайся, но это наша с тобой последняя встреча. Мне тоже очень тяжело, но по-другому поступить не могу.

– Не перебивай меня..., – вскрикнула Лена, увидев, как я горячо вскинулся со своими возражениями и продолжила, – это первое неприятное для тебя сообщение, а второе – муж узнал о нашей с тобой связи, а вчера я ему ещё сказала и о ребёнке и он пообещал отомстить тебе. Да он тюфяк, да он бесхребетный ботаник и как мужчина тряпка, но иной раз на него находит и он найдёт способ тебе отомстить. Затаится и в удобный момент даже может быть и убить... А я не хочу этого, я хочу чтобы ты жил и дальше, радовался жизни, работал, нашёл себе свою вторую половину и был счастлив.

Я даже не спорил и мне пришлось молча, без сопротивления, смириться, что со временем она может быть изменит своё решение. За эти несколько месяцев я узнал её и знал, какая она бывает твёрдая в своих решениях. Поэтому предложил: – Лена, я тебя услышал и предлагаю поступить следующим образом – давай возьмём по моему предложению тайм аут, месяца на два. Подумай всё-таки о нас. А насчёт твоего мужа я встречу с ним и мы просто откровенно поговорим, не затрагивая темы моего предложения. Обещаю, никакого мордобоя, давления на него, просто два мужика сядут, выпьют и спокойно поговорят....

Так оно и получилось. Через день, Павел привёз Андрея Павловича в наш охотничий домик. Домиком его конечно было трудно назвать, большой бревенчатый коттедж в старорусском стиле в глубине большого и дремучего леса. Он был отстроен пару лет назад и использовался ближним кругом для отдыха, совместных посиделок с друзьями. Или когда была необходимость просто побыть одному. А таких моментов, у моих ближайших подчинённых, было достаточно. И у меня тоже. Ну, и конечно для охоты.

Я стоял на веранде, где был накрыт стол и смотрел на приближающуюся машину, которая через минуту остановилась на стоянке сразу за воротами. Павел вышел из машины и предложил Агапову, сидевшему на заднем сиденье, пройти за ним, но тот наотрез отказался выходить.

– Упёрся, чёрт побери... Не буду выходить и всё.... Он и садиться то в машину отказывался, пока на него не прикрикнула Елена Викторовна. – Пожаловался мой помощник, поднявшись на веранду.

Я кивнул головой и пошёл сам за гостем, который, как только я открыл дверцу автомобиля, сразу стал обвинять чуть ли не в содомском грехе. Терпеливо выслушав всю эту интеллигентную белиберду, сказанную без единого матерного слова, снова предложил ему выйти и пообщаться и снова всё повторилось только в несколько другой интерпретации. Пока он выговаривался, вспомнил, как Лена говорила о его небольшой слабости к элитным спиртным напиткам и хорошей еде. Поэтому, как только он замолчал, я перешёл в наступление.

– Андрей Павлович, я сволочь и скотина – согласен. Но пойдёмте на веранду, там у меня Шустовский коньяк стоит. Выпьём, закусим и откровенно поговорим...

– Что вы мне тут врётё...!? Шустовского коньяка уже как больше ста лет нету... И вообще, генерал-губернатор должен знать, что это не коньяк, а коньячное бренди. Так что не надо мне врать.

– А у меня есть... Идёмте докажу. И шашлыки к нему, таких каких вы не пробовали... Причём вымочены именно в этом коньяке.

– Ну откуда он у вас может взяться Шустовский коньяк? Да не может быть..., – тональность голоса поменялась и там уже проклюнулся интерес. Агапов шустро вылез из машины и чуть ли не сам потащил меня к дому, при этом нелогично приговаривая, – я знаю какой вы негодяй и сейчас словлю вас на банальном вранье...

– Хм..., – задумчиво произнёс Агапов, немножко уйдя в себя и гоняя глоток коньяка во рту, проглотил его и потребовал, – а ну-ка ещё стопашку...

Налил ему щедро, до краёв рюмки и Андрей Павлович снова хмыкнул озадаченно. И что возьмёшь с интеллигента, когда он на время даже забыл тему нашей встречи и начал рассуждать: – Я, конечно, не знаю настоящего вкуса Шустовского коньяка, родился для этого слишком поздно, но то что я сейчас выпил... Хм..., такого букета..., а я, Кирилл Григорьевич, перепробовал многое и даже могу считаться некоторым экспертом в этом деле. Ну..., конечно, среди русских, а не французов, которые на голову выше меня в этом деле. Но могу авторитетно заявить это гораздо лучше всего, что я пробовал. Это что, действительно по рецепту Шустова?

– Ну нет, конечно. Просто тут нашёлся один умелец и на местном материале смог создать вот такой купаж. Вот попробуйте ещё... И мяском, вот этим закусите...

Агапова забрало быстро, а когда мы сели за стол и он попробовал ещё одну нашу настойку местного разлива, после чего общение вошло совсем в нормальное русло. Конечно, я не извинялся, да и не собирался, просто хотел поговорить, но сейчас молчал и только слушал опьяневшего собеседника, а тот ударился в интеллигентские рассуждения на тему супружества, весьма далёкие от реальной жизни. В конце которых он скатился на благодарности за ребёнка: – ...я понимаю, что далеко не Аллен Делон, что есть миллионы мужиков которые сильнее, умнее и сексуальнее чем я... Понимаю, что в том что случилось виноват я сам и тот дебилский спор, из-за которого не могу иметь детей. Дурак..., на спор с одноклассниками залез зимой в сильный мороз в прорубь... Типа – не заболею. Заболел, простудил там всё... И вот такая ерунда. Если был здоровым мужчиной и с самого начала знакомства с Леной, всё было бы нормально. А так..., я её понимаю, она всегда хотела ребёнка и вот хоть так, её мечта сбылась. Да и моя тоже. – И так далее и тому подобное, после чего он совсем договорился.

– Так что, я тебя, Кирилл Григорьевич, уважаю и спасибо тебе за ребёнка....

Да..., «приехали», не рассчитал я с алкоголем и пришлось быстро сворачивать наши совместные посиделки, после чего его увезли домой тихого и умиротворённого, а мне только оставалось выяснить один вопрос, что я и сделал на следующий день.

– Света, так всё это было только ради ребёнка? У меня ведь были серьёзные намерения в отношении тебя... и мне просто не верится в это. Но вчера, после пьяных рассуждений твоего мужа..., – я договорился по телефону о встрече и мы сидели в моей машине на месте первого свидания.

Лена слушала меня с непонятым выражением глаз, после чего потянулась ко мне и нежно поцеловала и снова отстранилась: – Какие вы всё-таки наивные мужики... И как легко вас обмануть... Я не сомневаюсь в твоих чувствах ко мне и сама в тебя немного влюблена. Уверена, что если бы я вышла за тебя замуж, то со временем с моей стороны была бы и любовь, и верность и тебе бы обеспечила надёжный тыл и очаг. Но то, что было между нами в это время всего лишь обыкновенная страсть. Страсть, которая поглотила нас обоих и которая также быстро исчезнет, если мы перестанем встречаться. В тебе я увидела настоящего мужчину, которого в моей жизни никогда не было и которого всегда не хватало – решительного, умного и щедрого, поэтому отдалась этому всепоглощающему чувству полностью. Да..., будем

с ностальгией вспоминать об этом, может быть и даже встретимся ещё раз, но это уже будет не то. Скажу честно, я не планировала ребёнка от тебя, решив – как будет, так будет. И спасибо тебе за такой подарок. А так откровенно скажу, если бы мой Агапов был более стойким и самостоятельным мужчиной, ни на мгновение не сомневаясь, приняла твоё предложение руки и сердца. Не обижайся на меня. Ты обязательно встретишь ещё свою женщину....

Никогда не понимал мужиков, впадавших в беспробудное пьянство или в дикие поступки, когда от них уходят женщины. Вообще, для меня в каких-либо критических ситуациях, в том числе и в таких, лучшим лекарством была работа, куда я и ушёл с головой, не давая разочарованию или унынию дать ростки. И что самое интересное, действительно права была Лена насчёт страсти, сначала всё притупилось, а потом всё прошло и я снова стал жить спокойной жизнью, как и прежде.

Но вот мои соратники наоборот озаботились такой проблемой и втихую стали искать претендентку на моё сердце.

Вот и нашли в секретари Светлану. Надо сказать, что долго они искали такую и нашли лишь во втором Хапке восемь месяцев назад. Я до сих пор удивляюсь, что оказывается если искать, то всегда можно найти вот такую женщину – Идеал моей женской красоты, а я довольно разборчивый человек. И первая жена имела такую внешность, что рядом с ней чувствовал себя несколько неуютно, понимая, что каждый первый встречный мужик раздевает её взглядом и тут же зверски насилует её. Слава богу, что только в мечтах. А ведь когда я отсутствовал в командировках, учениях и полигонах, ей проходу не давали и она вынуждена была скрывать это, зная, что я пойду и просто убью любую похотливую тварь.

А здесь помимо внешней красоты, присутствовал и острый ум, практичность, воспитание, тактичность. За эти месяцы я не упомяну, чтобы она ошиблась или накосячила в своей работе и то что она неровно дышала ко мне я тоже видел. И у меня, в тоже время, когда на неё смотрел теплело всё в душе. И вроде бы складывалось всё как положено к определённому логическому концу. И я был бы не против пойти по жизни вместе.... Но..., но..., перед глазами вставал во весь рост мой богатый супружеский опыт. Да и банально, как любой нормальный мужик, боялся женщин с таким острым умом. И ничего не предпринимал – только смотрел на неё. Однако, два месяца назад всё-таки решился: – Всё... Хватит. Завтра иду объясняться...

Но всё испортила моя бывшая жена. Надо сказать, как я попал сюда, так полностью потерял всякое общение с ней. Была где-то в глубине души горечь и обида, но меня они полностью вычеркнули из своей жизни, хотя хорошие алименты принимал от меня регулярно и без фырканья. А здесь я полностью на долгие годы погрузился в свой Проект и совершенно забыл о них и вспомнил лишь, когда в стране начались проблемы. Быстро организовал людей на поиски и через несколько недель знал весь расклад. У неё было несколько неудачных служебных романов на работе, где она искала перспективных мужиков для совместной жизни. Но эти перспективные только пользовались ею в сексуальном плане и уходили в сторону, как только возникала вероятность такого будущего. Ей пришлось уйти с хорошей работы и последующие годы она жила в одиночестве, замкнуто и с сыном. У сына тоже не всё хорошо сложилось. Он как раз, перед тем как их нашли, сумел закончить институт и не знал куда идти. Они, видя, что происходит вокруг и к какому печальному концу это идёт, практически не сопротивлялись моему предложению и сразу перебрались в безопасную Колонию. Да..., и выглядела она сейчас не очень, потускнела, погрузнела, появились морщины. Пусть и не очень заметные, но они были и явно раздражали её. Особенно, когда я глядел на неё. В глазах пропал блеск и тот шарм, который придаёт любой женщине офигенные дополнительные бонусы. А на фоне меня, моей должности она ощущала себя вообще обделённой жизнью.

– Что так смотришь? – Ядовито бросила, после того как я в очередной раз посмотрел на неё, чтобы увидеть реакцию на большой дом, купленный для неё и сына, где мы сейчас ходили

и смотрели комнаты и собирались идти смотреть небольшой участок вокруг дома, – постарела? А всё из-за тебя... Бросил бы свою долбанную армию и всё было бы в порядке у нас....

– Ирина..., давай не будем... Армия тут ни причём..., мы ведь ещё тогда всё обсудили. Ты лучше скажи – Дом тебе нравится? – Попытался перевести на другое разговор.

Не получилось и я снова получил в ответ стандартный набор обвинений – «Я вот всё для тебя, для семьи..., для дома... А ты..., а ты...»

Плюнул с досадой, положил на подоконник пухлый конверт с деньгами на обустройство хозяйства и ушёл. Попросил своего зама устроится с её работой и сына куда-нибудь устроить и больше я не хотел ничего. Умерло, так умерло.

Но она жила не в безвоздушном пространстве и конечно до неё дошли слухи о моей прежней личной жизни, о Светлане в том числе. И вот как раз, когда я решился на серьёзный разговор со Светой, она меня выловила буквально в центре города и устроила почти публичный скандал, обвиняя, что я бросил её только чтобы вести распутную жизнь, напрочь отбив всё желание ко всему. Но пришлось серьёзно поговорить с бывшей и ещё раз напомнить, что я ей давно-давно не муж. Даже пригрозить, если она и дальше мне будет устраивать скандалы, то я её перевезу в другой город и очень, очень далеко....

Грустное погружение в прошлое лишь на несколько секунд отвлекло меня от президента, который уже сменил тему и, с любопытством разглядывая интерьер коридора и широкой центральной лестницы, спускаясь на выход, рассуждал и прикидывал о будущем комплексе правительственных зданий.

– А удачное у вас, Кирилл Григорьевич, здание получилось. Без помпезности, без излишеств. Всё тут удобно, уютно, светло. И вид из окон на центр города красивый. Я тоже хочу такое же под свою резиденцию и администрацию президента. Хотя..., – он несколько с досадой чмыкнул уголками губ, – как я успел заметить, в центре места уже нет. Тогда надо будет присмотреть за городом местечко, уже под весь комплекс правительственных зданий. Чтобы всё рядом было, вызвал кого надо и он через несколько минут явился. Отдельно резиденция президента, отдельно правительство, Совет Федерации, Государственная Дума... Что там у нас ещё есть? Да под министерства тоже надо... Как, Кирилл Григорьевич, есть свободные участки под наши планы?

Президент был в хорошем расположении и мне совершенно не хотелось именно сейчас обламывать его настроение и говорить какие-то категорические слова, предполагавшие вовлечение в продолжение неприятной дискуссии, обиды или же наоборот обнадеживать. Да и не время сейчас к отказам. Поэтому пришлось ответить уклончиво.

– Давайте, Игорь Андреевич, отложим все разговоры и планы на другой срок. Сегодня только отдыхаем, а вот 7го июня, как раз то время, когда будет возможность в деловой обстановке поговорить обо всём. Вы как? Поедете на моей машине или на своей? – Последним вопросом я сознательно перевёл нить разговора на другое.

Мы уже стояли на высоком крыльце, а внизу небольшой колонной стояли наши машины и охрана.

Перед моей машиной стоял экипаж сопровождения из полиции, сзади машина охраны и всё. Потом стояла машина охраны президента, за ней шикарный президентский лимузин, сверкающий чёрными лакированными боками, явно бронированная и ещё одна машина с охраной.

Если моих охранников было всего трое человек, то президентских аж десять, окруживших машину охраняемого и цепкими глазами ошупывая окрестности.

Я скептически хмыкнул, подумав, что впоследствии президенту, ой как от народа достанется за этот лимузин.... Хмыкнул и предложил свою машину, которая была обычной моей рабочей лошадкой, в которой я ездил везде – и в поле, и по городу и мог запросто поехать по делам и по грязным лесным дорогам.

Теперь скептически хмыкнул президент, тяжело залезая во внутрь салона: – Мог бы, генерал-губернатор и получше машину себе выбрать....

– А меня и эта устраивает.

Оглядевшись в машине, президент на некоторое время замолчал, с интересом поглядывая в окно мчавшегося по улицам города автомобиля. Я тоже постарался глазами президента оценить меняющиеся городские картинки. Был второй день объявленных выходных и улицы, скверы, тротуары были заполнены гуляющим народом. Чистота, порядок, подстриженные газоны, аккуратные дома, нарядные витрины магазинов, минимум рекламных щитов. Весёлый и сытый народ, фланирующий по широким тротуарам или сидящий под тентованными навесами у открытых дверей многочисленных кафе и пьющий, кто что желает. Играющие дети на детских площадках. Народ легко и без принуждения машет неторопливо проезжающему кортежу, машут дети.... Картинка мне понравилась. Понравилась она и президенту.

– Да..., впечатляет, особенно после того что происходило в последние месяцы в России, да и в Москве, где развал и разруха в считанные недели разрослись до такой степени.... А тут спокойствие, люди весёлые и беззаботные. Город хороший и чистый. Молодец, есть за что Спасибо сказать и оценку поставить – большую и достойную работу проделал. Это обязательно тебе зачтётся... Обязательно..., – последние слова президент произнёс задумчиво, как будто ушёл в свои мысли.

А я едко усмехнулся: – Зачтётся..., зачтётся. В лучшем случаи засунешь меня куда-нибудь на окраину...

Дальше ехали молча. Я расслабился и просто сидел, наслаждаясь таким редким покоем, когда тебя каждую минуту никто не дёргал. А президент продолжал с удовольствием смотреть на городскую жизнь.

На крыльце Офицерского Собрании нас ждали.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – козырнул мне мой заместитель Загорский в подполковничьих погонах.

– Здорово, Сергей. – Пожал руку и сделал шаг в сторону, открывая путь президенту.

– Здравия желаю, товарищ президент, – козырнул Сергей и вытянулся по стойке «Смирно!».

Президент лёгкой гримасой на лице обозначил летучую досаду и протянул руку для рукопожатия, одновременно ворчливо поправляя Загорского, – товарищ Верховный Главнокомандующий....!

Сергей пожал руку и дерзко ответил: – А вас нам Верховным Главнокомандующим ещё никто не представлял. – И сделал чёткий шаг назад и в сторону, освобождая нам путь.

– Не дерзи...., скоро представят...., – спокойно парировал Президент и первым двинулся к большим дверям, обитым начищенной бронзой, горящей огнём в свете закатывающего солнца, а я весело подмигнул Загорскому, мол – Молодец! Уел клиента...

В большом и высоком банкетном зале на втором этаже военные и гражданские стояли в длинной и ровной шеренге и по громкой команде «Товарищи офицеры!» все замерли в строевой стойке. Мы с Президентом вышли на середину строя, сзади подполковник Загорский, ревниво оглядывая строй...., потом он бросил уже помягчевший взгляд в сторону жён офицеров, которые пришли на банкет со своими мужьями и табунились в стороне.

– Товарищи офицеры, – дал я команду, а Загорский продублировал, строй вольно колыхнулся, на лицах появились улыбки.

– Товарищи, наше мероприятие, изъявив желание, посетил Президент России Кузнецов Игорь Андреевич. – Начал я и замолчал, переживая жидкие, чуть ли не единичные аплодисменты, тут же заглохшие, искоса поглядывая на каменное лицо гостя и давая тому возможность на коротенькое выступление в некой попытке зажечь людей.

Но, тот выдержал удар и слегка улыбнувшись сказал, обратившись ко мне: – Кирилл Григорьевич, я тут сегодня только гость, поэтому продолжайте дальше. . . . – Президент сделал особой ударение на слове «сегодня». Вроде бы сказал тихо, но все услышали и поняли правильно – «Я вам ещё припомню этот холодный приём». Ну, пусть тешит себя пока подобными мечтами. Мы эти крылья быстро обрежем. Не сегодня. . . , чуть попозже. Я не дам, на фиг, разрушить всё, что создавалось нами в течение этих лет, да ещё таким нелёгким трудом.

– Товарищи, прежде чем приступить к неофициальной части общения за столом, всё-таки проведём коротенькую официальную часть. Подведение итогов подводить не будем. Вы их и так знаете. Задачи, поставленные вам – выполнены, а во многом перевыполнены, поэтому приступим прямо к чтке Приказа, причём вступительную часть пропускаем, а сразу переходим к наградной части, после слова «Приказываю».

Загорский обернувшись, разрешающе махнул рукой и из-за дверей в соседнее помещение шустро выскочил наряд по Офицерскому Собранию, трудолюбиво таща столы, где и была выложена наградная часть. Тут же шёл и майор Ярославцев, озабоченно перебирая листы Приказа.

Минута суеты, после чего Ярославцев разрешающе глянул на меня и, получив подтверждение, кашлянул в кулак и начал читать: – Приказ номер такой-то, от такого-то числа. . . .

Остановился, значительно посмотрел на строй, как бы удостовераясь, что номер Приказа и дату не только все запомнили, но ещё и все записали и сразу перешёл к приказной части: – Приказываю. . . .

В принципе, подавляющее большинство присутствующих знали о содержании приказа, в части награждения. Но одно дело знать, а другое дело официально получать и приятно ощущать, что твой погон на плечах ощутимо потяжелел, потому что практически все офицеры присутствующие в зале получили очередные, а некоторые досрочные воинские звания, вкуче с неплохим довеском из премий. Присутствующие гражданские получали солидные денежные премии. Такие же приказы сегодня зачитывались в частях и подразделениях армии. Но здесь наградной список был намного разнообразнее. Помимо очередных званий и достойных премий, офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты награждались действительно ценными подарками. Здесь были легковые автомобили, мотоциклы, квадроциклы и многие другие полезные вещи, в которых нуждались подчинённые, но не могли позволить себе на данный момент купить. Частично гасились кредиты на солидные суммы. А для особо отличившихся, ипотека и кредиты предоставлялись, за счёт Колонии. Было много и других приятных награждений.

И мне было в удовольствие, выходящим из строя, под бравурные звуки оркестра, офицерам и гражданским, вручать весомые и главное заслуженные награды. Видеть их счастливые лица и бурно аплодирующих их дам, которые радовались повышению званий мужей, но ещё больше радовались премиям, которые они в ближайшие дни быстро оприходуют. Ну и пусть – заслужили и они это удовольствие тоже. Президент тоже органично влился в церемонию поздравления: жал руки, поздравлял, говорил короткие в несколько слов напутствия и делал это с удовольствием, на время забыв обо всём – где находится, откуда прибыл и какие проблемы ему придётся решать в ближайшем будущем.

Когда закончилось награждение и улеглась лёгкая суматоха, я уж было хотел сказать общие поздравительные слова для всех и перейти к неофициальной части, но меня остановил новоиспечённый полковник Загорский.

– Командир, прежде чем вы поздравите нас, подпишите ещё один приказ. – И протянул мне лист стандартной бумаги.

Я настороженно взял лист, даже не представляя что это, и спросил: – Что это?

– Это приказ, прочитайте и подпишите, – невозмутимо предложил заместитель.

Высоко подняв брови в недоумении, бегло пробежал написанное и рассмеялся, а следом рассмеялись и офицеры в строю, наверняка знавшие содержания документа.

– Товарищ полковник, – обратился я к Загорскому, – ну, не могу я подписать приказ о присвоении мне очередного звания «генерал-майор». Не красиво и не скромно. Что обо мне армия подумает? Что господа офицеры скажут? Не... Не пойдёт. Я ещё себя уважаю...

– Командир..., – Загорский был совершенно не смущён таким поворотом. Он взмахнул рукой и в руках начальника управления кадров, непонятно откуда, появилась целая пачка стандартных листов, – вот, в течение последних десяти дней в армии в письменном виде, был проведён опрос – Достоин ли генерал-губернатор за свою деятельность очередного воинского звания генерал-майор? Вот здесь тридцать пять тысяч подписей офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат, за исключением, тех кто был на задании. Командир – армия даёт «Добро». Так что подписывайте.

Я рассмеялся: – Ну..., если армия даёт «Добро»... А вот возьму и подпишу, – и под Туш оркестра, бурные аплодисменты присутствующих и крики «Ура» подмахнул приказ.

Загорский махнул рукой и азартно прокричал: – Генерал-майору Куликову, трехкратное Ура..., Ура..., Урааааа...

Я был тронут до глубины души той искренней радостью за меня моих соратников, даже циничного, прожжённого политика и прагматичного Президента растрогал такой неожиданный поступок офицеров.

Поднял обе руки и гул голосов постепенно стих: – Товарищи офицеры, до глубины души тронут вашей заботой обо мне. Спасибо вам! Это ваше звание. Вас также всех поздравляю, надеюсь не с последними звёздами. А теперь у вас есть 20 минут и за столом все сидят уже в новых погонах. Разойдись!

Строй распался, смешался с дамами, которые обнимали и целовали своих мужей, появились официанты с подносами, уставленными бокалами шампанского и люди стали рассасываться по помещениям и углам, скидывая с себя кителя.

– Товарищ Президент, я на минуту вас покину. Надо решить несколько вопросов, – Президент рассеянно кивнул головой и продолжал рассматривать человеческую кутерьму, с бокалом в руке, а я с Ярославцевым и Загорским отошли в сторону.

– Товарищ подполковник, – пальцем легонько ткнул в грудь Ярославцева и тот широко и довольно заулыбался, – идёшь сейчас и всех строго настрого предупреждаешь – никаких заздравных тостов в адрес генерал-губернатора и новоиспечённого генерал-майора. Если кто выпьет и вылезет с этим тостом – обижусь, потому что потом мне нужно в сторону Президента реверанс ответный делать. А я не хочу... Чего улыбаешься, Ярославцев? Как-будто я тебе рубль подарил...

– Товарищ генерал-майор, вы меня первым подполковником назвали. С меня бутылка коньяка.

– Ярославцев, теперь и с меня тоже бутылка...

Когда подполковник удалился, я озабоченно спросил: – Сергей, что у нас по банде Мордвина? Очень меня беспокоит его деятельность...

Загорский шмыгнул и тяжело вздохнул: – Копаем, командир. Копаем... Закинули взвод спецназа с целью определения их базы. Как только её обнаружат – сразу же начнётся войсковая операция...

– Хорошо. Действуй, но через три дня мне нужны результаты.

– Будут, командир, а пока дайте ваш китель, чтобы погоны перешить.

Через полчаса, блистая новыми звёздочками медалями, улыбками и счастливыми глазами очаровательных спутниц, все расселись по своим местам и успокоились. Первый тост был за мной и был он по-военному краток. Потом за коллектив, спаянный трудной и нужной работой, третий тост за тех, кого нет с нами. Общие тосты... И спустя 30 минут, все были разогреты и готовы к неофициальной части. Были и те кто вскакивал с места и с рюмкой поворачивался в мою сторону, готовый..., но проинструктированные Ярославцевым окружающие, со смехом

сажали того на место. Старых среди нас не было и народ жаждал активного отдыха, но сдерживающий фактор в моём лице и Президента не давал разгуляться. И я понимал – начальству пора удалиться. Честно сказать, я и сам хотел уйти, побыть дома в одиночестве, немного расслабиться ни о чём не думая. А вот Президент, поддавшись праздничной обстановке, накотив лишние рюмки, быстро опьянел и сейчас увлёкся разговором с Ярославцевым, который опекал того и отсекал желающих высказать своё мнение о его правлении. Пока ещё рано, пусть порезвится, но оставлять его на банкете, если взбрыкнётся, нельзя. В конце концов, кто-нибудь и доберётся до его рожи. Ох уж и злы на него люди, а тот ещё этого не вкусил, пробыв на нашей земле всего несколько дней.

Поманил Загорского: – Сергей, мы сейчас уезжаем. Ты остаёшься за старшего. Смотри, чтоб всё в порядке было.

– Командир, может останешься...? Отдохнёшь... Давай, оставайся...

Я выразительно покосился на Президента и тот только сокрушённо развёл руками, а я добавил: – Ты предупреди ближних, чтоб не увлекались и завтра в 14:00 собираемся. Есть что сказать и есть что обсудить дополнительно.

– Командир, тогда две минуты..., – и Загорский умчался.

– А что они к тебе обращаются – Командир..., Командир? – Тяжело повернулся ко мне Президент, – не по чину как-то, какое-то панибратство...

– Всё нормально, Игорь Андреевич, ко мне так обращаются только офицеры, которые служили со мной в батальоне и которых по человечку к себе собирал. Это те люди, на которых я могу на 99% положиться в любой ситуации.

– А почему только 99%, а не сто?

– Жизнь есть жизнь. Всякое бывает, вот оттуда и вылез этот процентик....

В центре большого банкетного зала закрутился офицерский водоворот и с криком – «Командиру УРА», они и их жёны ринулись в нашу сторону. Окружили, подхватили кресло на котором я сидел, бесцеремонно подняли на руки в лежачем положении Президента и под марш Гренадерского полка понесли нас на выход, пронесли по широким коридорам и вынесли к машине. Меня вынесли бережно и осторожно, а вот Президента тащили в раскоряку и если вовремя не подсуетился Ярославцев, то к машине Президент вылетел бы из окон второго этажа. Но, слава богу, он был здорово выпивший, что не позволило ему правильно всё оценить. А так он был счастлив, как ему казалось, проявлением уважения к его персоне. Охрана приняла слегка растерзанного своего патрона и он исчез в глубине бронированного лимузина, тут же отчалившего в направлении временного места пребывания всей верховной власти России и нужных им людей. А я, под клики подчинённых, убыл к себе и через тридцать минут сидел с бокалом пива на террасе, бездумно глядя на водную поверхность бассейна. Именно сейчас, когда остался один, на меня накатила усталость и чувство острого одиночества, особенно после того как видел счастливых офицеров и их не меньше довольных жён, а дома их ждали с нетерпением дети, домашний очаг и уют. А я в шикарном доме, у бассейна и один... И вроде у меня есть власть, есть соратники и искренние друзья, помощники, но они не заменят вот всего того, что имеют они – обыкновенного человеческого тепла и счастья. Может пойти и провести остаток дня у родителей, благо их рядом с собой поселил?

И наверно так бы и сделал, но в тишине неожиданно громко щёлкнул магнитный замок калитки ворот и мой взор с водной поверхности переместился в ту сторону. Я никого не ожидал, да и ко мне без приглашения никто не мог прийти, кроме близких людей вроде Загорского, но он и остальные сейчас веселились на банкете. Да и жилой район, в котором проживало руководство Колонии, хорошо охранялся и как бы чужой, так уверенно открывать калитку не мог.

Впрочем, долго гадать не пришлось, калитка открылась и в её проёме появилась Светлана.

– Ну..., Загорский..., – только и сумел воскликнуть мысленно про себя. Светлана имела право без доклада являться по служебным делам, но никогда не пользовалась этим, а сейчас, только зайдя вовнутрь ограды двора, тут же увидела меня сидящего на террасе и прямиком направилась туда же. Подошла, села в лёгкое кресло напротив. Я даже положение своего тела не изменил, только смотрел на неё и молчал.

– Чего молчишь? Сколько можно в смотрелки играть и молчать? Ты можешь решение принять наконец-то, генерал-губернатор?

– Как я устал каждый момент принимать решения, как хочется, чтобы кто-то за меня его принял. Но судя по тому, что ты сама пришла, значит решение принято и гулянки, со смотрелками у меня скоро закончатся или уже закончились.

– Кирилл, я не пойму..., ты так спокойно говоришь, как будто я тебя силком тащу под хомут или ты всё это воспринимаешь как неизбежное... Или я всё-таки что-то нафантазировала насчёт твоего чувства ко мне?

– Света, нет. Ты всё правильно поняла и я рад, что ты проявила инициативу и мне не надо делать каких либо усилий, тратить эмоции, которых как видишь уже даже нет, потому что я выжат до предела и выжатый лимон на моём фоне, будет выглядеть жизнерадостным апельсином.

– Ну, слава богу, начал хоть шутить, – Света легко поднялась и непринуждённо опустилась ручку кресла, приобняла меня и поцеловала, – вижу я, вижу. Ты устал и я даже понять не могу на чём ты держишься. Дело с Хапками закончилось и тебе надо взять отпуск недели на две и отдохнуть.

Она прижала мою голову к груди, я тотчас ощутил её упругость и в свою очередь облегчённо вздохнул, а Света уже командовала.

– Кирилл, ложись вон на ту тахту и расслабься, а я к тебе на кухню и посмотрю чем тебя вкусным накормить..., – и упорхнула, а я счастливо улыбнулся, закрыл глаза и уснул крепким и спокойным сном.

Тут же вскинулся с испуганной мыслью, что так и недолго совсем заснуть и опозориться перед любимой женщиной. Но действительность оказалась ещё хуже, я действительно уснул и проспал здоровым сном весь вечер и всю ночь.

– Ёкарный бабай..., – только и осталось огорчённо воскликнуть, поняв, что сейчас 7 часов утра, проснулся на террасе, на несчастной тахте и в одиночестве. Конечно, Света обиделась и ушла. Ну как так...? Ну ёлки-палки..., пришла, вынуждена была объясниться в любви, а это аморфное создание, в самый пиковый момент заснуло, как последнее чмо....

Примерно с такими погаными мыслями, с заилевшими от сна глазами, с немой мордой и полным мочевым пузырьём, попёрся через весь дом в ванную, чтобы привести себя в порядок, приедется, заказать шикарный букет цветов и ехать к Светлане, падать в ноги и извиняться, извиняться и извиняться....

Но ехать никуда не пришлось, дверь ванны была закрыта, а из-за неё доносилось загадочное плесканье воды и дикая надежда, что не всё ещё потеряно, заставило меня тихо постучать.

– Кирилл, это ты? Я ещё минут пять. Иди на кухню и садись за стол..., – голос оттуда был беззаботный, жизнерадостный и жизнеутверждающий, что не всё потеряно.

Какая кухня? Какой стол? Оленем брачного периода, а может лосём, я взлетел на второй этаж, ворвался в свою спальню, как сдирал с себя одежду, плохо помнил, но через десять минут вымытый, побритый и благоухающий одеколоном сидел пай мальчиком за столом, накрытый холодными закусками с шампанским во главе.

– Чёрт, как аппетитно всё сделано... Оооо..., кажется Света идёт..., – и действительно, в кухню вошла моя красавица. Никогда не понимал, как можно целыми часами торчать у зеркала и наводить красоту, в тоже время не знал, как можно эту красоту навести за столь корот-

кое время, да ещё так элегантно одеться, когда ты сам еле успел принять душ и то небрежно, побриться, при этом порезавшись....

– Ну что, товарищ Куликов, извиняться будем?

– Будем... Света, прости балбеса... Сломался вчера, как старик, которому лет так восемьдесят...

– Прощение принимается, – Света царственно махнула рукой и весело рассмеялась, обвила за шею и горячо поцеловала, отчего внутри меня мигом разгорелся целый пожар, но она уже выскользнула из моих объятий и пальчиком показала на стул, – так, молодой человек, успокаиваемся, садимся. Если бы я не видела, как ты работаешь на износ – извинения не прокатили, но видела и вижу, что выдох до донышка и тебе нужен отдых. Всем разрешил отдыхать, а про себя забыл...

– Да..., чёрт побери, а как по-другому...? Да и другие не меньше меня работают. Вот и сегодня мы собираемся на совещание и никуда от этого не денешься....

– А ты не можешь его перенести?

– Света..., – я настороженно глянул на неё, – ты таким тоном это сказала, что у меня ворохнулось подозрение – А не перенесла ли ты наше совещание, воспользовавшись полномочиями секретаря?

– Оооо..., Кирилл, неужели ты до сих пор не узнал меня. Ты мужчина, генерал-губернатор, облечённый властью, я всего лишь твой секретарь и выполняю отданные распоряжения и не могу проявлять неразумную инициативу. На будущее скажу следующее – в твои дела, в твою работу не собираюсь влезать – это твои дела, это твоя жизнь.

– Фуууу..., ну тогда нормально. Только перед тем как идти в это наше совместное будущее, давай решим два щекотливых вопроса, чтобы потом к ним не возвращаться и не обсуждать больше, тем более не попрекать, – глаза у Светы стали серьёзными и она мигом преобразилась, готовая к серьёзному разговору.

– Света, мы работаем вместе скоро будет год и ты наверняка знаешь о моих амурных похождениях налево, знаешь про бурный роман с Леной Агаповой, про её ребёнка от меня и ты всё равно хочешь быть со мной. Мне бы не хотелось, чтобы в будущей нашей семейной жизни это становилось причиной разногласий или попреков, как это иной раз случается с моей бывшей женой.

Света потянулась через стол, глядя серьёзно в мои глаза, и накрыла мои руки: – Кирилл, знаю. Знаю всё... И про твою бывшую и про Лену Агапову, которая родила девочку, про счастливого Агапова, который готов на руках носить её за ребёнка и про ваш уговор насчёт совместного воспитания. Издалека видела твоё поглупевшее от удовольствия лицо, когда ты сюсюкался с малюткой и качал её на руках. Знай одно, этого ребёнка я тоже буду любить и помогать тебе, даже когда у нас будут свои дети. А насчёт твоих походов, так они меня не касаются. Это было до меня, а ты мужик здоровый и тебе это было нужно. Главное, чтоб этого не было уже при мне...

Теперь я, облегчённо вздохнув, сам перегнулся через стол и поцеловал её: – Не дождёшься, сам за тобой следить буду.

Вновь откинулся на стуле: – И теперь последняя проблемка. Моя жена не может быть моей секретаршей, да и работать в одной организации. Так что, полное право ночевать здесь и жить, милая моя, ты будешь иметь после того как найдёшь себе замену.

– Ха-ха..., милый ты мой, – иронично отпарировала подруга, – ночую и живу здесь с сегодняшней ночи. Замена уже найдена, готова и с началом новой рабочей недели с 8:00 она уже будет стажироваться три дня, после чего я увольняюсь. Новую работу найду сама, – и проказливо показала розовый язычок.

– Ух, какая ты предприимчивая..., – весело удивился я и предложил, – тогда доставай шампанское и будем отмечать первые наши совместные решения и предлагаю отмечание не затягивать. А то боюсь, что до совещания времени не хватит....

Глава 3

Стоянка, рядом со зданием администрации Колонии, была заполнена легковыми автомобилями, а перед самым обширным крыльцом стояло пара чисто вымытых автобусов, на которых мы все вместе поедem на встречу. Выезжающий народ кучковался рядом, разбившись по интересам, по управлениям, компаниями и просто стояли группками, дымили сигаретами, обменивались впечатлениями, где и как отдыхали вчера и ждали команды на посадку, изредка кидая взгляды на крыльцо, где стоял я и мои замы. Мы тоже болтали на разные не рабочие темы и тянули время, чтобы приехать на встречу с Президентом и его командой ни рано и не опоздать. А вовремя.

– Да, командир, чуть не забыл, – неожиданно прервал свой веселый рассказ Загорский и уже серьёзным тоном доложил, – по банде Мордвина. Базу вчера обнаружили, а послезавтра начинаем войсковую операцию.

– Ничего себе, там то банда, а вы затеваете целую операцию..., – слегка удивился я и возрился на другого своего зама, неофициального министра обороны, – Алексей, что там у тебя?

Полковник Андрианов покрутил головой по сторонам, нашёл взглядом урну и бросил туда сигарету: – Да тут не всё так просто, поэтому и войсковая операция. У Мордвина начальником штаба работает... Как-то так бывшим офицером его не хочется называть, но вот бывшим военнoслужашим Российской армии.... Майор. Грамотный надо сказать и энергичный товарищ. При поддержке главаря банды он сумел преобразовать всю эту шайку в военизированное подразделение, вогнал всё в рамки подобия воинской дисциплины, организовал службу, разбил их по подразделениям и вот эти 150 человек теперь представляют определённую организованную силу. И территорию, где находится база, очень грамотно прикрыл со всех сторон. Поэтому и войсковая операция. Послезавтра воздухом доставляем десантников, выкидываем на местность, на вероятных путях отхода и начинаем банду жать, выдавливая на засады. Всё это одновременно с десантниками. Ну..., и попутная тренировка войск, так сказать, учения максимально приближенные к боевым действиям.

– Что ж, хорошо. Держите только меня в курсе дела. А так жалко, с удовольствием поучаствовал бы с вами, да тут дел невпроворот. Сергей, так чем там у тебя закончилось, а то взял и прервал рассказ....

Подождав ещё минут десять, мы стали рассаживать по машинам. Я с замами ехал на своей, остальные в автобусе. Как только отъехали от здания, так впереди и сзади стали две полицейские машины с включенными мигалками на крыше, а на выезде из города к нашей небольшой колонне присоединились ещё несколько автобусов с затемнёнными окнами, где сидело несколько взводов полицейского спецназа.

Огромный коттеджный посёлок Солнечный, где разместили все 10 тысяч человек чиновничьего люда с семьями, прибывших как с Президентом, так и отдельными группами, размещался в шести километрах от города в живописном месте. Он был построен в первую очередь, ещё в самом начале Проекта для размещения прибывающих вольных строителей и другого нужного люда на первых порах, пока не построим для них нормальное жильё. Но посёлок строился не абы как и не как временный, а на постоянку. И это были приличные и просторные коттеджи с хорошими земельными участками. Но за пять лет, пока строилась наша столица и другие ближайшие населённые пункты, посёлок и жильё, где каждые несколько месяцев менялись постояльцы, был банально «убит». А два года назад приняли решение – всех выселить, привести всё в божеский порядок, провести новое благоустройство, посёлок законсервировать и использовать его как резервный жилой фонд Администрации Колонии. И вовремя это сделали. Так как год спустя, когда стало понятна необратимость негативных политических

и климатических изменений на Земле, я распорядился в срочном порядке, открыть там новое строительство – расширить посёлок, развить инфраструктуру и организовать его в отдельную административную единицу. Было много трудностей с материалами, людьми, с техникой, так как начались Хапки и мне нужно было куда-то размещать эвакуированных людей. Но справились и посёлок оказался как раз кстати. Принял и без особых трудностей разместил прибывшее руководство страны и они не мешаются под ногами, находясь прилично за городом. Машин своих у них было мало. Так..., только у Президента, да у правительства и то всего вывезли около сорока единиц. Так что если кому по делам надо в столицу, в учреждение – пожалуйста, на автобус.

Колонна нырнула под поднятый шлагбаум КПП посёлка, где находился усиленный наряд внутренних войск и втянулась в главную улицу. Три автобуса со спецназом веером ушли по своим задачам и целям в посёлке, а мы и оставшиеся два автобуса, не спеша, проехали мимо новой школы на полторы тысячи школьников, обогнули периметр огромной школьной территории. Тут оставшиеся с нами спецназовцы отстали и тоже стали действовать по своему плану. У двухэтажного торгового комплекса совсем уже короткая колонна ещё раз свернула вправо и выехали на просторную площадь, где с одной стороны высилось здание администрации посёлка, а с другой стороны, если по-старому называть – Дом Культуры. Он даже немного архитектурно и походил на такие здания из советской эпохи. Тут у нас и должна была проходить встреча.

Загорский с Андрияновым, сидевшими на заднем сиденье, одновременно засмеялись: – Вот ведь, сволочи, так и пучат из себя великих политических деятелей, хотя за ними пустота. Никто вышел встречать генерал-губернатора... Зазорно...

Я посмотрел через лобовое стекло на маявщегося на высоком, помпезном крыльце Главу администрации посёлка, которого руководство страны и выставило встречать нас: – Ничего, парни... Ничего... Мы им сначала дадим надежду, а потом внезапно и очень больно ударим... Покажем им кто здесь хозяин.

Пока выбирался из машины, выходили замы, вниз скатился Глава и, вытянувшись, поздравился, бодро доложив: – Товарищ генерал-губернатор, все собраны и ждут. Президент с премьер-министром там.

– Здравствуй, Пётр Петрович, сколько их там?

– Практически весь зал заполнен, пришлось даже дополнительно стулья выставлять. Но первые ряды, как договаривались пустые. Для вас...

– Хорошо, – я глянул на часы и, убедившись, что ещё есть около пяти минут, решил пообщаться с Темниковым, – как тут у тебя обстановка? Как ладишь с контингентом?

Главой посёлка был бывший губернатор с первого Хапка, которого я тогда отстранил от власти. Когда мы закончили эвакуацию его города, ему предложили должность начальника одного из строительных управлений, так как он до политики им и был. Но продержался он на этой должности буквально две недели. Во-первых: когда он стал простым начальником, да ещё и без охраны, да народ немножко пришёл в себя... Ох и тяжело ему стало от народа и от тех непростых вопросов, на которые очень трудно было отвечать – где бы он не появлялся, или его жена. Ему, например, несколько раз били по морде, да прилюдно. Про оскорбления и ругань вообще можно было не вспоминать. Доставалось и жене. Хорошо хоть её не били, но его семье было очень тяжело находиться среди горожан. Во-вторых: коллектив строительного управления, который был сформирован из горожан, вообще сначала не хотел его иметь в качестве начальника, а когда тот ещё решил использовать преимущество своей должности и улучшить свои жилищные условия, за счёт простых рабочих. Так его чуть не разорвали, его же сотрудники. Пришлось его оттуда срочно эвакуировать и ставить вот сюда, сначала комендантом посёлка, где он уже работал честно и добросовестно, а когда посёлок выделили в самостоятельную еди-

ницу, вот тогда и вспомнили о его опыте и предложили занять не совсем спокойную должность – Главой посёлка, вот с таким трудным населением.

Темников от моего вопроса сморщился, как от лимона, и даже создало впечатление, что он сейчас с досадой плюнет на крыльце. Но, сдержался и стал изливать свои горести на посту Главы.

– Да они, товарищ генерал-губернатор, целыми днями тянутся ко мне – жалуются, требуют, грозятся, стучат кулаками по столу. Только ими и занимаюсь... Вернее, терпеливо выслушиваю и отфутболиваю. Все идут с обидами: одни ноют, что жильё им не по их статусу выделили, типа – им положено большее и более комфортное. Другие приходят и возмущаются, что коттедж, выделенный им, с подселением и требуют весь дом под них отдать. Следующие приходят и начинают давить своими должностями, типа какие они важные и государственные, и какими приходится серьёзными вопросами заниматься, а от этого и другое отношение к ним нужно. И опять требования другого жилья, других условий... – всё-таки, хотя бы и чисто иллюзорно, Темников изобразил плевок. – Тьфу.... Но я им всем отказываю, а то все корчат из себя великих политических деятелей. Даже противно. Да ещё, грозятся. Мол, мы там... То есть в России, бились чуть ли не на передовой и ковали Победу... А вы тут, жопы грели, крысы тыловые. Вот когда власть примем, всех вас сотрясём....

Андрианов подмигнул Загорскому и поддел Главу: – Пётр Петрович, ну ты ж сам совсем недавно таким же был...

– Что???? – Возмущённо взвился Пётр Петрович, мигом забыв про субординацию, в одну секунду превратившись в прежнего губернатора, – Да они рядом с моей работой не стояли. Я был Хозяином области. Хозяином!!!! Я отвечал за социалку, производство, развитие малого бизнеса, за проведение политики правящей партии в жизнь и за многое чего другое. Мне приходилось учитывать всё в своей работе. С одной стороны местная элита и крупный бизнес, с другой силовики, общественность, СМИ. Сверху Москва давит, снизу электорат. Ничего не дают, а только забирает и требует. Комиссии. Короче крутился в реальной работе, а они сидели в Правительстве, в Гос. Думе и в других тёплых местах и морды ворочали, когда приезжаешь к ним за помощью. Да пошли они на хрен. Так что зря смеётесь, – чуть ли оскорблено закончил Темников, а потом настороженно обратился ко мне.

– Кирилл Григорьевич, а что – Правда, власть передавать будете? И что тогда...?

– Ладно, ладно. Посмеялись и пора за дело. Товарищи офицеры, заходим, – махнул рукой своим соратникам и повернулся к Петру Петровичу, – а насчёт власти. Власть ведь по-разному передаётся. Так что не переживай. Всё будет нормально. Заходим...

Прохладный и гулкий вестибюль, больше похожий на танцевальный зал с антресолями в старинном дворянском особняке, по которому слонялись многочисленные охранники Президента. Прошли вперёд и Темников распахнул широкие двухстворчатые двери и как дворецкий, громко провозгласил: – Генерал-губернатор Куликов Кирилл Григорьевич.

Огромный зал встретил объявление настороженной тишиной, шелестом, низким гулом, собранных в кучу людей и обращёнными к входящим взглядами, в которых можно было разглядеть любопытство, недоброжелательность, оценку и холодный расчёт.

Да..., зал был набит битком, даже проходы вплотную заставлены стульями и свободное место было только сбоку на сцене, где за большим столом сидел Президент, премьер-министр, председатель Государственной Думы, председатель Законодательного Собрания, глава администрации президента и стояло несколько свободных стульев. В глубине сцены висел экран, а перед сценой сидело двое моих специалистов с настроенной аппаратурой, для трансляции на экран некоторого материала.

Прибывшие со мной, стали рассаживаться по свободным местам первых рядов, а я с замами поднялся на сцену. Поздоровались за руку с сидевшими, поздоровались, как с равными, да ещё на виду у всего зала, пристально наблюдавшим за данной процедурой, что очень не

понравилось сидевшим в президиуме. Но им пришлось смириться, хотя по лицам было видно, что они ожидали большего проявления лояльности и почтения. Хотя бы внешнего.

Когда мы все расселись, Президент наклонился ко мне: – Ну, что, Кирилл Григорьевич – начинаем? – Увидев мой ответный кивок, повернулся к главе администрации, что-то спросил, тот ответил и махнул рукой куда-то в глубину кулис, откуда сразу же выскочил с чрезвычайно деловым видом клерк администрации президента с кучей бумаг в руке. Почтительно склонился к главе и президенту и стал отвечать на какой-то вопрос, нервно при этом перебирая листочки. Ответ обоим начальникам явно не нравился и они раздражённо шипели на подчинённого, пока он им не передал нужную бумагу, после чего под ледяным взглядом начальства испарился в районе кулис.

Я в это время бросил быстрый взгляд в зал и несколькими резкими движениями руки набросал схему зала и попросил премьера, председателей гос. Думы и Законодательного собрания показать в каких местах сидят их подчинённые и был удовлетворён тем как они это нанесли. Спикер Гос. Думы нарисовал даже места, где сидели плотными группами фракции и какие. Премьер, помимо своего правительства, показал места Верховного суда и Конституционного.

– Чего вы тут чертите? – Настороженно спросил Президент, закончив разбираться с клерком.

– Да просто, когда будут задавать вопрос, иметь понимание откуда человек...

– Аааа..., – удовлетворился моим ответом Президент и, постучав пальцем по микрофону, начал.

– Товарищи. Приступаем к работе. В работе совместного заседания участвуют, как вы только что слышали генерал-губернатор Куликов и его администрация, как я понял. Может, представите, Кирилл Григорьевич?

– Давайте я представлю, но только в процессе своего выступления. Так мне будет удобнее.

– Хорошо. Тогда определимся со следующей повесткой нашего совместного заседания, где будет рассматриваться вопрос передачи власти и определения властных рамок полномочий наших и администрации генерал-губернатора. Первым выступлю я. Потом слово предоставлю генерал-губернатору и затем, думаю, товарищ Куликов, ответит на вопросы, которые наверняка возникнут. Утверждаем? И закругляя, снова выступлю я. Или у кого-то будут ещё дополнения и другие предложения.

В середине зала, как раз с места, где располагалась фракция ЛДПР, поднялся некий дядька солидного вида и прогудел оттуда: – После вашего выступления, господин Президент, предлагаю выступления руководителей фракций, чтобы мы тоже изложили своё видение некоторых вопросов. А потом пусть выступает Куликов.

Конечно, я был готов к горячей схватке в ходе этого заседания, но вот так, заявление простого депутата Гос. Думы и обозначения меня без должности «генерал-губернатор» чиркнуло по душе. Типа, всё решено с передачей власти и он уже в принципе никто. Потом, может быть, что-нибудь ему дадим... Ничего, мы это запомним и постараемся ударить вас побольней.

– Ну, что, Кирилл Григорьевич? Утверждаем? – Президент тяжело смотрел на меня и мне ничего другого не оставалось только, как согласно мотнуть головой на предстоящее массивное и спланированное давление на меня и моих людей.

– Голосовать не будем, а просто принимаем изменения.

Президент деловито собрал бумаги, лежащие перед ним, и вышел к трибуне, оглядел властным взглядом затихший зал и начал свою речь.

– Долго я, товарищи, говорить не буду. То, что произошло – вы сами знаете в полном объёме точно также как и я. Все мы участвовали в трагических событиях, предшествующих нашему появлению тут, поэтому на них останавливаться не буду. Просто постараюсь кратко рассказать и довести до присутствующей администрации Колонии выработанное наше коллек-

тивное видение передачи власти, как оно будет передаваться и в какие сроки, решение проблем, возникших в ходе эвакуации и другие вопросы. Но всё-таки начну с экскурса в недалёкое прошлое, чтобы без всяких непонятностей, плавно перейти к настоящему....

Надо сказать, Президент, был хорошим оратором, мог красиво и убедительно преподнести любую информацию до слушателя. И если бы я был совершенно посторонним и обыкновенным винтиком в государственной машине, которому спасли жизнь путём эвакуации на безопасную территорию Колонии. И я бы, не сомневаясь ни в чём, уже в середине речи Президента полностью уверовался в гениальность руководителя государства, в мудрость и ответственность правительства и других гос. органов, которые только и думали, как создать вот этот Проект, наполнить его всем необходимым и провести блестящую эвакуацию. Правда, он также рассыпался в благодарностях ко мне и моим соратникам, которые под грамотным руководством страны сумели многое сделать, чтобы всё удачно закончилось....

Но, это я был автором и двигателем этого Проекта, был генерал-губернатором с вытекающими полномочиями и ответственностью за людей, которых мы спасли и знал всю правду и кривду, как здесь всё это происходило и как приходилось толкать Проект вперёд..

От первой части, где Президент красочно расписал свои заслуги и остальных присутствующих, он плавно перешёл к моменту правопреемственности, которое от России переходит к Колонии, логично всё это обосновал и под гром аплодисментов объявил о предстоящей передаче власти.

– Предлагаю: так как генерал-губернатором, в связи с окончанием всех работ по эвакуации, было объявлено о недельных выходных всей Колонии... А до конца их осталось три дня, то днём начала передачи предлагаю объявить 10 июня сего года и провести её в течение недели, чтобы сразу, без раскачки приступить к решению насущных вопросов. – Гром новой волны аплодисментов, а Президент оглянулся с трибуны на меня. Мои соратники в зале сидели молча, с каменными лицами, совершенно не участвуя в волне воодушевления, охватившей зал. Они имели право иметь эти каменные лица, я же, на взгляд Президента лишь изобразил на своём лице целую гамму выражений, которые можно также многообразно прочесть, со многими вариантами. Глава посёлка Темников, сидевший на первом ряду и видя такую мою аморфную реакцию, почти с ужасом смотрел на меня, взглядом задавая вопрос: – Как же так? А я...? А моя семья? Неужели сдадите...? Меня же на второй же день выкинут, а на моё место посадят своего....

Видя, что я не протестую и, прочитав меня по-своему, президент удовлетворился и под овации прошёл на своё место, наклонился и горячо зашептал.

– Хорошо грустить, Кирилл Григорьевич. Понимаю, ты тут был Хозяином, а теперь должен делиться властью. Не беспокойся, не обидим ни тебя, ни твоих подчинённых....

Постепенно все успокоились и к трибуне вышел руководитель фракции «Единая Россия». Его выступление носило дежурный характер, где он полностью поддержал Президента и руководство страны. Но вот руководители других фракций имели своё видение и в своих выступлениях требовали часть мест в правительстве и других властных органов отдать им. Короче, шла обычная политическая грызня и торговля за власть. Наиболее ярко выступил сильно постаревший Жириновский. Он даже удивил меня, хоть и говорил намёками, но чувствовалось, что знал он о нашем Проекте гораздо больше других. Я изображал видимый интерес к выступлениям, что-то даже чиркал в своём блокноте, создавая видимость записей неких вопросов, чтобы ответить уже в своём выступлении.

Вскоре очередь дошла до меня. Не торопясь вышел к трибуне, удобно расположился и обвёл внимательным взглядом притихший зал.

– Господа. Прежде чем перейти к вопросу о передаче власти и разграничений полномочий, было бы логично сделать небольшой отчёт о том, что такое это – «Проект Колония», что

сделано было и какие проблемы придётся решать в будущем. А также раскрыть кое-какие секреты, связанные с Проектом и как всё происходило на самом деле.

Многие из вас, сидящих в зале, так или иначе соприкасались с данным Проектом. Кто больше, кто меньше. Наверняка тут есть много и других, кто вообще об этом знает только через официальную версию и официальные источники. Из тактических, стратегических и политических соображений, многие вещи были засекречены и сейчас они продолжают быть секретными. Очень много из других соображений банально скрывалось от руководства страны, которое до сих пор о многом даже не догадывается... – в зале поднялся лёгкий шум, а какой-то экзальтированный сенатор с Законодательного собрания вскочил с места и запальчиво прокричал: – Как вы смели что-то скрывать от нас и власти...?

Шум усилился, Президент энергично застучал карандашом по хрустальному графину и мелодичный тонкий звук громко разнёсся через микрофон по залу, а я поднял руку вверх, предлагая замолчать. Шум постепенно стих, и я продолжил.

– Сейчас и раскрою некоторые секреты и вопросы, которые мы скрывали или, если точнее, вынуждены были скрывать. Но далеко не все. Так вот настало время раскрыть самый главный и неожиданный для вас секрет. Всё что вы знаете о Колонии и о том, что тут происходило, с нашей стороны был один огромный блеф. – Я замолчал и с интересом пробежался взглядом по рядам людей. В зале стояла гробовая тишина, в которой осмысливалась только что услышанная информация, а у сидевших в президиуме, особенно у Президента было невереще-обиженное лицо, как у ребёнка, которому пообещали сладкую конфету и не дали. Он даже нервно сглотнул, когда я посмотрел на него. Усмехнулся и продолжил, – а теперь поподробнее о блефе. Когда о Проекте узнал предыдущий Президент Владимир Владимирович, он сразу и по государственному оценил будущие колоссальные перспективы данного Проекта – экономические, политические, военные и просто как надёжный тыл, куда можно было отступить в случае экстраординарных событий. Как это произошло сейчас. Скрыть такое эпохальное открытие было невозможно и когда всё станет известно, на Россию будет оказано беспрецедентное международное давление с главной целью – потребовать допуска к Проекту и его делёжке, где будет замешано всё – государственное и личное. Вот тогда-то и было принято решение о большом вранье, чтобы снизить давление и дать время для наших максимальных усилий, по освоению данной территории. Когда к нашим противникам и союзникам просочилась информация о данном Проекте, была запущена встречная дезинформация, что русские, подо льдом Антарктиды, нашли огромные пустотные полости в десятки тысяч квадратных километрах, повесили ядерное солнце и огромными подводными лодками доставляют туда грузы и людей, для освоения территорий. Данный манёвр помог отвлечь усилия всех разведок от настоящего Проекта и на целый год приковал их внимание к Антарктиде. А когда всё-таки настоящая, вернее часть информации, была одним из государственных деятелей продана США, было поздно. Мы закрепились на территории, здесь уже была создана инфраструктура на полтора миллиона человек, хотя и тут мы ввали международной общественности, говоря, что Портал открыт в локальный и ограниченный мир, в котором у нас проживает всего десять тысяч человек. Даже был построен «потёмкинский» город, куда привозили все международные комиссии, и доказывали, что данная территория не такая большая и выгодная, как они там у себя нафантазировали. Тем самым мы немного сбили накал страстей, хотя требование допустить и поделиться продолжали звучать. Пусть уже и не в категорической или ультимативной форме. Ну..., это было только на первоначальном этапе освоения Колонии. К сожалению, Владимир Владимирович, который всё знал до мельчайшей подробности о происходящем здесь, скоропостижно скончался и Президентом стал Кузнецов Игорь Андреевич. – Я повернулся к Президенту и кивком головы обозначил некий посыл, в котором можно было, в том числе, и увидеть почтение, признание его право на власть и многое другое и это так и было с удовлетворением воспринято. Хотя для меня этот кивок всего лишь был переходом к другому абзацу своего доклада.

– Так и вот, мы уже начали врать, в том числе и вам, господин президент. Приходилось скрывать очень многое, так как перед смертью Владимир Владимирович тайно и частями перевёл весь Резервный фонд на наши, никому неизвестные счета. Помните наверно, что после смерти президента в Резервном фонде не обнаружили этих денег!? Какой скандал был и как каждая сволочь, клеймила покойного и обливала грязью. Он сознательно пошёл на это и это позволило нам во многих вопросах быть независимыми от вас, от многих людей нечистых на руку, которые к Проекту могли подходить только исходя из своих личных выгод или выгоды клана, в которых они состояли, забывая о народе и государстве. Надо сказать, уважаемый господин президент, этот личный интерес потом присутствовал у многих государственных мужей, которые плевали на вас лично и на ваши указания, и которые сейчас сидят и в этом зале. Ну, а мы максимально эффективно использовали эти деньги, удачно скрывая от вас истинные размеры и положение Колонии. Да и ваши проверочные комиссии, тоже проверяли только «потёмкинские» объекты и возились они только туда, куда нам было выгодно возить и показывать имеющееся.

Я повернулся к президиуму, к Президенту, слушавшему меня с оскорблённым видом, говорившим мне – «Говорите, говорите. Потом я вам покажу, как меня, Президента, обманывать. Вы ещё пожалеете об этом...». Меня это совершенно не смутило и предложил: – Если вы хотите более подробнее узнать об этих фактах, материал с фамилиями, с конкретикой у нас готов и мы можем передать всё это в любой момент.

Президент мрачно кивнул головой, а в зале нарастал возмущённый гул и он был направлен на меня, на наглеца, бросившего вызов и обвинения вот этой сплочённой общими интересами и выгодами когорте.

– Давайте поумерим эмоции и дослушаем до конца, – громким выкриком поддержал меня руководитель администрации президента и спустя некоторое время шум утих, – Как возникла техническая составляющая идеи Порталов и в целом Проекта – это является государственным секретом Колонии и раскрывать его не буду. И ещё очень долго это будет главным нашим секретом. Главное – оно есть, это можно увидеть вокруг себя и ощутить. Поэтому начну с того – где мы находимся и раскрою ещё один большой секрет. – Я кивнул одному из операторов, сидевшему у аппаратуры и он сразу вывел на экран карту с необычными очертаниями территорий.

– Эта карта территории Колонии и эта карта, была под большим секретом, и использовалась для официального развития Колонии и для руководства страны, чтоб оно представляло, куда вкладывают все выделяемые ресурсы. То есть, тут мы видим, – я лазерной указкой стал показывать, – построенные города, предприятия, дороги... Короче, инфраструктура и карта использовалась и комиссиями, которые приезжали сюда для контроля вложений средств, ресурсов в развитие региона. Но эта карта – это тоже большой «потёмкинский» блеф и блестящий труд наших топографов. Она нам помогала скрывать истинное положение дел. Гораздо лучшее, чем мы вам докладывали.

Я знаю, кривотолков было много: в том числе и что мы обнаружили пробой на другую планету, в другой звёздной системе. Но разочарую вас, да и вы сами видели ночами звёздное небо, со знакомой луной. Портал открыл нам путь на нашу Землю, в прошлое, на одну тысячу лет до нашей эры, что довольно точно определили учёные. Ну и понятно, что все географические составляющие, полезные ископаемые соответствуют современному миру, который мы засрали и эффективно погубили. И сейчас конкретно мы находимся на территории, сопоставимой с границей между Саратовской и Волгоградской областями и река, на которой расположен наш город – Волга. А теперь покажите настоящую карту..., – и на экране появилась уже знакомая карта России с прилегающими территориями, привычными очертаниями и множеством чёрных точек и линий.

– Вот наша столица, а вот место где должна быть Москва, но Москвы нет ни на карте, ни на местности. Там холмы поросшие лесом и болото. И мы выбрали это место, потому что – здесь степь, и здесь можно эффективно, быстро и по максимуму развивать сельское хозяйство. Здесь же проходит одна из главных водных артерий, по которой можно не только добраться в более отдалённые территории, но и является связующей транспортной составляющей. . . .

Я замолчал, переживая гул человеческих голосов, выражающих удивления, возмущение и злобу. С разных сторон зала неслись невнятные крики и возгласы. Даже прорезалось одиночное «Браво». Только непонятно было к чему оно относилось. Ждал хотя бы относительную тишину, чтобы продолжить, но в какой-то момент стало понятно – не дождусь. Отошёл от трибуны к Президенту, который о чём-то горячо шептался со своими, даже не пытаюсь навести порядок.

– Игорь Андреевич, может быть мы тогда уходим, а вы тут сами всё обсудите между собой? – И демонстративно стал собирать со стола деловые мелочи.

Президент всполошился и резко встал с места: – Да ты куда, Кирилл Григорьевич? Мы же не все вопросы обсудили. . .

Пора было переламывать ситуацию в свою сторону и я резко ему предложил, впервые переходя на ТЫ, хотя в такой возбуждённой атмосфере, президент не обратил на это никакого внимания. Но вот Глава администрации и премьер-министр в удивлении выкатили глаза.

– Так ты тогда, Игорь Андреевич, приводи в порядок своих подчинённых, а то они как юные гимназисты обиделись. . . Видите ли – Их обманули. . . .

– Хорошо. . . , хорошо. Идите на трибуну, сейчас успокоим всех. . .

Вернулся на трибуну и сделал заранее оговоренный жест, по которому, сидевший самым крайним в ряду, старший полицейского спецназа, встал и незаметно выскользнул из зала. А Президент ругался и требовал тишины, стучал кулаком по столу, ему в этом очень активно помогали и другие в президиуме. Глава Администрации выгнал из-за кулис свою подчинённую братию и те, спустившись в зал, стали бегать по рядам и успокаивать бушевавший зал. Такими общими усилиями, сумели всех успокоить только минут через пять, а когда наступила относительная тишина, продолжил.

– Идя сюда и отчитываясь перед вами, вот с этой трибуны, думал здесь увидеть государственных мужей, которые способны понимать слова Тактика, Стратегия и что за этим стоит. А увидел тут сборище людей с болезненными личными амбициями, которые о государственных интересах думают в последнюю очередь. – Зал вновь заволновался, а Президент наклонился к микрофону и строгим голосом сделал мне замечание.

– Кирилл Григорьевич, я бы попросил вас выбирать выражения. Перед вами сидят не ваши подчинённые, а люди, которых выбирал народ. . . .

– Замечание не принимается, – резко отчеканил я, повернувшись к президиуму, и гул человеческих голосов удивлённо пошёл на спад. Наступила тишина.

– Отчёт сворачиваю. Вижу, что тут не перед кем отчитываться. И прежде чем перейти к словам о передаче власти всё-таки кое о чём расскажу, чтоб потом было всё понятно. Вот эту карту я сейчас раскрашу в несколько цветов и поясню, почему так делаю. Все чёрные точки и линии, которые на карте, обозначают – города, населённые пункты, работающие заводы, шахты, порты, аэродромы. Линии – соответственно дороги. А теперь меняем цвет. – И дал команду оператору у видеоаппаратуры, – выделите красный цвет.

И на карте, часть чёрных точек и линий стали красными: – Красным цветом выделены все объекты и дороги, которые были построены при помощи государства и лично Президента Владимира Владимировича за те два года, пока он был жив. За эти два года мы сумели не только всё это построить, но и зацепиться за стратегические места будущего базирования – основали порты на Чёрном море, Балтике. Сели на Босфор, сделав Чёрное море нашим внутренним

морем. Сумели создать около 50 аэродромов подскока, которые в реальности стали плацдармами и, опираясь на них можно спокойно двигаться дальше и занимать нужные нам территории. За два года была создана вся инфраструктура, построены хоть и наспех, все предприятия необходимые для проживания и жизнедеятельности 5 миллионов человек. Хотя на тот момент мы сумели переселить сюда только полтора миллиона. Теперь включите белый цвет, – на карте забелело, но лишь чуть-чуть.

– Вот..., – удовлетворённо протянул я с трибуны, – а это объекты, которые были построены на те ресурсы, которые вы, господин Президент, выделили нам за четыре года. Разницу видите?

Президент метнул в меня огненный взгляд и всем телом повернулся к карте, после чего задал вполне прогнозируемый вопрос, официальным тоном: – Подождите упрёки кидать. Вам, генерал-губернатор, выделялись огромнейшие средства. Тут не надо с больной головы на здоровую всё перекладывать. Есть решения, указания – сколько и когда. Всё ведь записано и архив здесь. И деньги выделялись. А вы тут что мне показываете? И на что намекаете?

– А тут, господин Президент, всё просто. Вы принимали решения, деньги выделяли, а ваши министры и другие государственные деятели плевали на вас и не давали. Вернее, они готовы были дать, но на своих личных условиях или условиях тех сил, которые они представляли. Я отказывался и деньги не выделялись, при этом мне говорилось следующее – «А нам плевать на Президента. Мы сила и мы сильнее. И если понадобится, то мы его снимем и поставим другого...».

– Этого не может быть..., – громко и гневно произнёс Президент и хотел продолжить, но я ему не дал.

– А вы у премьер-министра спросите, он ведь в курсе – куда и какие деньги с ресурсами выделялись. Только не верьте тому, когда вам скажут, что мы сами не захотели брать... Вы там у себя сами разбирайтесь, а я продолжу. Теперь зелёный цвет на карту....

Карта обильно зазеленела и протянулась зеленью далеко за пределы красного и белого: – Зелёным цветом обозначены объекты, построенные на деньги резервного фонда. Как вы видите – если деньги и ресурсы есть, то мы строили. И за эти четыре года, мы построили в пять раз больше чем это обозначено красным и белым. Мы благодаря этим деньгам даже сумели дотянуться и основать заново город и порт Владивосток, где разместили все корабли Тихоокеанского Военно-морского флота, которые сумели перебросить через Портал и другие морские корабли гражданского и рыболовного флота. Что позволило нам взять под контроль акваторию Тихого океана. А также эти ресурсы помогли нам принять за время эвакуации более 38 миллионов человек.

Зал равномерно гудел тихим гулом, внимательно слушая мои комментарии и обсуждая между собой увиденное на карте и услышанную интересную информацию. Те же, кто были сзади, протискивались ближе, чтобы лучше рассмотреть карту, уплотняя толпу перед сценой.

– А теперь выведите на карту объекты синего цвета. Это запланированные объекты, которые мы не сумели построить из-за того, что деньги или ресурсы были зажаты или просто не выданы нам. Наши эксперты подсчитали, если эти объекты были вовремя введены в строй, то мы сумели бы эвакуировать дополнительно около 7 миллионов человек. А мы этого сделать не смогли. И вот вопрос – На чей совести они? Семь миллионов человек....!?

В зале повисла гнетущая тишина, а я добавил, категорично бросив в зал твёрдые слова: – И вы хотите после этого, чтобы мы передали вам власть?

Резко повернулся к Президенту: – Передачи власти не будет. Ни 10 июня, ни через неделю, ни через месяц или год... Мы не позволим всё это вновь угробить, передав что создано таким огромным трудом... Никогда!

Тишина в зале почти материализовалась, её наверно можно было даже потрогать руками и в этой тишине громко и протяжно прозвучали растерянные слова, не сдержавшегося главы администрации президента: – А-ХЕ-РЕ-ТЬ...., – и вопросительно поглядел на Президента.

Теперь на него смотрели все и под вопросительными, негодующими и требующими взглядами Президент, чувствовал себя очень неудобно. Получалось, что он, допустив в какой-то момент слабость, допустил в своих расчётах банальный непрофессионализм. Обманулся сам и обманул своих коллег в таком важном и краеугольном вопросе. Президент сначала сильно покраснел, потом побелел так, что не только я подумал о неминуемом инсульте, но медицинского кризиса не произошло и Президент, медленно поднявшись с места, всё-таки не сдержавшись, нервно выкрикнул: – Кирилл Григорьевич, мы же ведь договорились и ты мне обещал...

– Я...? – С наигранным изумлением ткнул себя в грудь пальцем и после вполне приемлемой паузы, отрицательно покачав головой, продолжил, – я ничего вам не обещал, кроме того, что сегодня, 7 июня в 12 часов дня, встречу с прибывшими с вами влиятельными людьми. Выступлю перед вами, изложу видение будущих проблем, выслушаю вас и отвечу на вопросы. Большого вам ничего не обещал и ни о чём не договаривался. Так что не знаю, что вы там нафантазировали...

Наверняка, Президент совершенно забыл о тех временах, когда кто-то мог вот так смело и спокойно разговаривать с ним, особенно когда он самое высшее должностное лицо. Тем более, когда открыто и при всех его обвинили в каких-то фантазиях. От такой дерзости он сначала окаменел, а в зале повисла тишина понимания, что генерал-губернатор переступил некую черту и бросил вызов и не только Президенту, но в его лице всем им, а Президент тоже должен сейчас перейти Рубикон. Это понимал и Президент: или он принимает РЕШЕНИЕ или он уже не Президент.

Игорь Андреевич пришёл в себя, гордо выпрямился и чётко, на весь зал отчеканил: – Президент страны не может увлекаться несбыточными фантазиями. Президент обязан оперировать фактами и на их основе принимать решение. И я его принял. Товарищ Куликов, я вас отстраняю от должности генерал-губернатора, а за попытку государственного переворота приказываю вас арестовать. Министр внутренних дел..., – силовики, которые сидели отдельной группкой и надо им отдать должное, вели себя в море эмоций затопивших зал, спокойно и выдержанно, начали переглядываться и среди них поднялся с места коренастый генерал-полковник.

– Арестовать..., – властно приказал ему Президент и рукой указал, кого надо арестовывать. Министр несколько растерянно поглядел на ряды, которые занимали мои подчинённые. А те сидели спокойно, как будто это их не касалось, потому что все они знали, что будет дальше. Постояв секунд пятнадцать на месте, как бы ожидая команды «Отставить!», министр стал пробираться к краю ряда, за ним двинулись ещё несколько генералов, наверное его замы, а люди, столпившиеся около сцены, стали раздаваться в стороны, образуя проход к трибуне, где стоял будущий арестант. Я же спокойно обратился к Президенту.

– Господин Президент, вы сейчас совершаете большую ошибку, потому что попытку государственного переворота делаете вы, а не я.

Министр с замами за это время выбрались на оперативный простор и твёрдым шагом двинулись в мою сторону по освободившемуся проходу. И они успели пройти почти до ступенек, ведущих на сцену, когда с грохотом распахнулись створки нескольких дверей и из фойе в зал, несколькими ручьями стал вливаться полицейский спецназ, занимая все ключевые позиции в зале и на сцене.

– Кто такие? – Нервно выкрикнул глава администрации, – Кто позволил? Куликов, это твои люди?

– Не надо так нервничать. Да... – это мои люди. – Я сверху посмотрел на застывших у сцены министра и его замов и, улыбаясь, продолжил, – А ваши люди обезоружены, так что можете спокойно вернуться на свои места.

Вышел из-за трибуны и стал собирать свои бумаги со стола президиума, когда ко мне обратился Президент, слегка охрипшим голосом.

– Что это всё означает, Кирилл Григорьевич?

– А это означает, – ехидно улыбнулся я и вышел к краю сцены, подмигнув столпившимся внизу, – историю столетней давности помните? Матроса Железняка, который в подобных обстоятельствах сказал – Караул устал. Прошу прекратить заседание и разойтись по домам.

Снова вернулся к трибуне и обратился уже ко всему залу: – Решение сгоряча принимать не хочу, поэтому можете спокойно расходиться по домам. Репрессий пока не предвидится. Что будет с вами, как видим ваше будущее, вам послезавтра к вечеру доведут. Но расходиться из зала попрошу после того как мы отсюда убудем. А пока можете здесь обсудить всё происшедшее.

– Господин Президент, прошу вас пройти в фойе, где мы с вами, тет-а-тет обсудим пару вопросов. Прошу...

Президент обречённо поднялся с места, с надеждой кинул взгляд в зал, но увидев, что никто не собирается вступаться за него или кидаться на «штыки», а вполне обыденно возвращаются к своим местам и с боязливым любопытством кидают исподтишка взгляды в его сторону, тяжело вздохнул и пошёл впереди меня на выход. Следом за нами потянулись туда и остальные мои люди. Последними вышел полицейский спецназ, аккуратно закрыв за собой двери в зал. В фойе, опёршись тыльными сторонами ладоней на стену, широко раздвинув ноги и оставив их далеко от стен, стояла потрёпанная охрана Президента и премьер-министра.

Я махнул рукой и ко мне подошёл командир спецназа с Мотороллой в руках.

Кивнул головой на задержанных: – Как тут всё произошло?

– Нормально, товарищ генерал-губернатор... Они просто ничего не ожидали, даже скажу, расслабились, увидев, что вы прибыли без охраны. Правда, у нас два раненых, а у них один «двухсотый». Шустрый больно оказался...

– Чёрт! Что у раненых?

– Нормально. Один в плечо навывлет, а второму первая пуля прилетела в броник... Надеюсь, что не сильно у него там отшибло, а когда он упал, вторая в бедро и бедренную артерию повредила. Еле успели кровь остановить. Так-то ничего, но крови очень много потерял. Врачи говорят выкарабкается...

– Хорошо, а как в других местах?

Старший спецназа недовольно покосился на Президента, чуть помолчал: – Мы вчера и позавчера встречались с их командирами и договорились, что все силовики сдают свои базы без боя и переходят к нам. Очень просят их зачислить... Своё обещание они выполнили. Базы министерства обороны, МВД, ВВ, МЧС и ФСБ под нашим контролем. А что им сказать насчёт зачисления?

– Скажи им... Будет переаттестация и проверка их. По итогам будем принимать или отсеивать. Да... и предупреди, но только помягче – всех принятых на службу раскидаем по нашим подразделениям. И уже по итогам службы там будем смотреть – возвращать их работать по своей специальности или они будут и дальше нести службу на новом месте? Что-то ещё есть?

– Да, и самое неприятное. Одна база не сдаётся и у нас потери. Двое убитых и пять ранено. Это из последнего эшелона, которых хорошо причесали пулемётами...

– Ничего себе... И что там?

– Хорошо служба у них там поставлена. Засекли нас вовремя для себя и дали нам отпор. Мы их обложили и предложили сдаваться, но те в отказ и требуют пропустить с транспортом. Обещают убраться отсюда и жить сами по себе, где-нибудь на окраинах территории. – Спец-

назовец снова глянул на Президента и, усмехнувшись, продолжил, – говорят: нам по хер Президент, премьер и все остальные... Мы сами по себе...

– Сколько их человек?

– Да там сборная солянка. Каждой твари по паре. Есть с казаков, с МВД, армия, охранные структуры, криминальщиков нету. Их там, по нашим прикидкам, 40-50 человек. Командует ими отставной подполковник, армеец. В авторитете. Договориться заранее с ними не получилось. Не идут на контакт и живут на отшибе. Правда, до этого вели себя тихо, ни чем не проявлялись...

– Ну и какие твои действия?

– Да ну их... Дал на размышление два часа. Пусть сдаются или подгоним танки и расхерачим издалека. Пусть думают.

– Ну и правильно. Нам ещё их банды на окраинах только не хватает. Только, поаккуратней, когда танками работать будешь и гражданских из этого района на время боя выведи.

Спецназовец ушёл, а я повернулся к Президенту: – Ну, что, Игорь Андреевич, доигрался? Ты видишь, что за вас никто драться не собирался? – Мы стояли посередине фойе, в отдаление от всех и никто не слышал нас, поэтому можно было говорить без реверансов и откровенно, – по-честному сказать, надо бы, тебя и всю твою верхушку арестовать и судить прилюдно. Вот за этих раненых и убитых. Хорошо, что мы подстраховались, а то бы накрутили тут дел. А вообще, хоть на чуть-чуть представляешь, что было бы, если у тебя это получилось? Вы бы до завтрашнего вечера не дожили... Вас бы просто смели... Причём, простые, обычные люди. Если не веришь мне, сходи к главе посёлка, бывшему твоему губернатору, Темникову Петру Петровичу. Он тебе популярно расскажет, как люди, с его областного центра, когда эвакуировались сюда били ему морду каждый день, когда его встречали на улице, за то как он губернаторствовал. И как мне пришлось его сюда вытаскивать, чтобы его там не убили. Теперь он нигде и никогда не скажет, что в прошлой жизни был губернатором. А ваше правительство, депутатов, сенаторов и других серьёзных и влиятельных людей, просто ненавидят за прошлое. И ты наивно считал, что ты будешь тут спокойно править?

Значит, поступаем так. Арестовывать вас не буду. Но послезавтра, в 12 часов дня приглашаю вас на расширенное заседание в свою Администрацию. Автобусы за вами придут: отвезут и привезут. От вас должно быть сто человек и набрать их так, чтобы от каждой группы был человек, который наши решения доведёт до своих коллег. Только попрошу, чтобы там были серьёзные и выдержанные люди. Мне истерик и публичных акций там не нужно. Там вы всё и узнаете, в том числе и о своей судьбе...

Президент было открыл рот для какого-то вопроса, но я ему не дал заговорить: – Всё..., никаких вопросов. Не хочу. Послезавтра всё узнаете, а сейчас идите к своим и лучше в свете такого поворота обсудите свои предложения и вопросы на послезавтра.

Подъехав к зданию Администрации Колонии, я повернулся к Загорскому, сидевшему рядом со мной: – Сергей, предупреди парней, что послезавтра, вот в этом же составе, в 12 часов собираемся в нашем актовом зале и поставим последнюю точку в отношениях с этими... Дебилами...

– Хорошо. Так может, командир, отметим сейчас удачно провернутую операцию? А..!? – Предложил Загорский, который был в приподнятом настроении.

– Нет... Рано. Там ещё этих упёртых дожать надо. Что-то мне говорит и не всё там благополучно закончится... Давай лучше на послезавтра закажи банкетный зал. Разберёмся с президентом и его командой, вот тогда и отметим Победу.

– Хорошо, – легко и весело согласился Загорский, – тогда я на всех, кто будет на совещании и для смеха и на них тоже. Посмотрим, есть у них самолюбие или они конченные лицемеры и циники.

Он попрощался, вылез из машины и пошёл к заруливающим на стоянку автобусам, а я дал команду водителю двигаться на выезд из города. Было у меня недалеко от города любимое место. Огромный, серый валун, принесённый ледником с севера в стародавние времена, а когда ледник отступил он тут и остался. На склоне длинного холма и, сидя на нём, можно было видеть далеко-далеко. Вот тут я и сидел иной раз бездумно глядя в синеватую даль, как бы питаясь энергетикой нагретого солнцем камня, либо серьёзно обдумывал трудную проблему, решение которой никак не давалось в обычных условиях. Вот и сейчас приехал сюда без определённой цели. Всё уже было твёрдо решено и я не колебался. И проблем в будущем не предвиделось. Вернее, они будут и даже знал какие, но все они решаемые. А так, просто залез на верхушку камня и с удовольствием уселся там. Охрана и машина, на которой приехал, деликатно скрылись в недалёкой ложбинке и я остался один на один с огромным пространством, лежащим под моими ногами и постепенно растворился в нём, мысленно провалившись в прошлое.

Часть вторая

Глава 1

– Пи..., пи..., пи..., – темно и приближающее непонятное пиканье, как-будто я сплывал из тёмной глубины к поверхности, – пи..., пи..., пиии...

«Пи» звучало уже отчётливо и в него добавился шуршащий шум и звонкий, девичий голос на фоне быстрых удаляющихся шагов.

– Николай Петрович..., Николай Петрович... Он приходит в себя. Николай Петрович...

С трудом разлепил глаза и ничего не увидел. Вернее, увидел, но только слабый, мутный, белый свет. Закрыв и снова открыл – уже лучше. Белый мутный свет разбился на несколько тёмных, размытых пятен. Ещё раз моргнул и глазам стало больно от хлынувшего туда света, что заставило сразу закрыть их. Но зато появились новые ощущения... Тело... Это я сразу понял, что это тело. Тело жутко чесалось и болело ноющей болью сразу во всех местах и я чуть-чуть приоткрыл глаза. Вот теперь можно было смотреть сквозь ресницы и, регулируя световой поток, уже через некоторое время разобрался – я лежу на кровати, обставленной приборами, явно медицинского характера. Лежу совершенно голый, правда накрытый одеялом. Сил никаких нет и слышу, как откуда-то с боку приближаются шаги нескольких человек, а потом в поле зрения показались две головы. Одна молоденькой девушки, в белом халате и из-под такой же белой шапочки выбивались красивые локоны белокурых волос и глаза, внимательные и любопытные. Вторая – мужская, суровая и тоже в белой шапочке, серьёзные глаза пытливо смотрели на меня.

Потом появилась рука с растопыренными пальцами и поводила медленным пасом перед моими глазами, невольно заставив проследить за ними.

– Нормально. Будем жить. Как чувствуешь себя? – Спросила довольная результатом мужская голова.

– Хреново.... Где я? – Только и хватило сил на эти три слова.

– В госпитале, товарищ майор. В госпитале ветеранов боевых действий... А что хреново-то?

– Чешется всё и болит...

– Так это хорошо раз чешется. Гораздо хреновей было, если не чесалось.

– И спать хочу...

– Вот и спи. Раз очнулся..., значит можно теперь смело и поспать..., – на этих словах я и провалился в сон.

По моим ощущениям спал часа три-четыре: – Сестра..., – кинул клич в воздух и сестра появилась. Только не красивая давешняя девушка, а матёрая, полная медсестра.

– Ооо..., проснулся. Что хотим?

– Кушать хочу, – прошептал я, слыша, как зверски бурчит желудок.

– Так это мы сейчас. Потерпи только, бульончик вот разогрею, – и через три минут я с ложечки глотал божественный куриный бульон.

– Всё, всё..., больной. Больше тебе нельзя, – строго прикрикнула медсестра, убирая ото рта ложечку, наверняка имевшая классическое имя и отчество Марья Ивановна. Я и сам уже не хотел, так как от тёплого бульона меня кинуло в обильный пот и навалилась усталость от такого простенького дела, как приём пищи. И я снова ушёл в сон, но уже сон выздоравливающего.

Проснулся уже утром от того что нестерпимо хотелось в туалет по маленькому, а открыв глаза увидел Марью Ивановну. Попытался встать, но только и сумел слегка приподняться на кровати. Пришлось сдаваться опытной и суровой медсестре, которая в действительности, как

это не смешно, оказалась Марьей Ивановной. Стыда не было, было лишь смущение, когда она мне помогла пописать, а потом ещё обтёрла тело влажной салфеткой, после чего я совсем почувствовал себя хорошо. А вскоре появился и мой лечащий врач Геннадий Михайлович с большой папкой.

– Ну что ж, вижу... Вижу... То, что было вчера и то что сегодня – разница большая. Что сейчас беспокоит?

– Доктор, чешется везде и болит... Что это со мной было?

– Хм..., не удивительно, что чешется и болит. Ты, Кирилл Григорьевич, провалялся без сознания два месяца...

– Два месяца...!? Ни фига себе...!!! И что? – Моему удивлению не было предела. Пока меня обслуживала Марья Ивановна, которая наотрез отказалась отвечать на мои вопросы и только твердила – «Вот доктор придёт и всё расскажет...», думал... Ну..., пару суток..., ну..., может чуть побольше... А тут ДВА МЕСЯЦА вычеркнуты из жизни! А академия? Я же пролетел! Последние слова невольно произнёс вслух и Геннадий Михайлович махнул рукой на мой обидчивый возглас.

– Кирилл Григорьевич, да ладно вам насчёт академии... Тебе вообще повезло, тебя эта молния лишь чуть-чуть достала. Могла вообще в головёшку превратить. А так только слегка, да ещё щадяще голову прожгло. По всем показателям ты абсолютно здоровый, правда за эти два месяца у тебя пролежни появились и мышцы все одрябли... Но, ничего, через две недели на выписку пойдёшь, а там отпуск и совсем окрепнешь...

Слушая его, я машинально стал щупать голову, пытаюсь найти последствия от удара молнии в виде прожжённой дырки, но врач засмеялся, несколько грустно, задумчиво глядя на меня: – Да нет там ничего у тебя. За эти два месяца всё затянулось. На..., посмотри какой ты везунчик. Смотри..., – и он достал из папки большие листы рентгеновской плёнки.

– Тут вот хорошо видно. Это твой мозг и вот видишь... Тёмная, такая ровная полоска через мозг идёт!? Вот это след молнии. Она ударила тебя вот сюда, самым кончиком, и прожгла канал насквозь мозговой ткани. Канал диаметром всего в 1 мм. Что самое интересное и что тебя спасло: как лазером прожгло и стенки всех кровеносных сосудов и мозга запекло, предотвратив кровоизлияние...

Я тупо смотрел на снимок своего мозга, на тёмную полоску, отвлечённо слушал объяснение врача, а в голове крутились печальные мысли – мимо академии пролетел и вряд ли на следующий год буду поступать. Два месяца провалялся и что там в батальоне? Да и что там молния прожгла мне, тот ещё вопрос. Его и задал.

– Пфффф... К сожалению, на этот вопрос никто тебе не ответит, кроме Господа бога. Что она там прожгла, чего замкнула, в какие новые линии выстроились нейроны, какие появились новые участки мозговой деятельности...? – Врач развёл руками, как бы расписываясь в своей беспомощности, – так что готовься к медицинской комиссии. От себя могу только сказать, последствия могут быть самыми непредсказуемыми. Может, выпьешь водки стакан и взглядом потом прожжёшь дыру в стене, а может станешь дебилом. Не знаю, но парень ты здоровый, крепкий, должен выдержать. Но если совсем честно, готовься к комиссации по инвалидности. У тебя как раз и выслуга с нашими дальневосточными льготами есть и на хлеб с маслом пенсия у тебя будет, да и по инвалидности неплохо получишь. Сочувствую, но такова правда жизни.

Он молча похлопал меня по руке и вышел из палаты. А я остался со своей бедой один на один. Психика у меня была устойчивая, да и по-честному не до конца поверил в такое жизненное поражение. Поэтому день провёл в полудрёме и в попытке всё-таки встать с постели и самостоятельно пописать. Что у меня получилось уже на следующий день. А после обеда ко мне завалились офицеры батальона. Сразу стало тесно, весело, беззаботно. Парни расселись на всём, где можно было и нельзя. Даже на моей кровати и засыпали вопросами – Как чувствую?

Что чувствую? Что помню? А в самый разгар вопросов, мой заместитель капитан Загорский заговорческим шёпотом спросил: – Командир, а тебе можно? А то у нас тут...

– Давай, – махнул безбашенно рукой, – заодно и проверим, как у меня башню сносить будет, а вас тут много, если что удержите...

Быстренько разлили всем по пластиковым стаканчикам и выпили. Меня аж в пот бросило. Потом ещё выпили. А когда я спросил про батальон, Загорский попросил попрощаться со мной и выгнал всех в коридор. Огляделся, налил себе и мне коньяка.

– Давай выпьем, командир. Печальные вести я принёс, – выпили, закусили, помолчали, после чего Сергей и рассказал со злостью, – отстранили тебя от командования под видом болезни и вывели за штат. Как командование бригады не билось – ничего не получилось. И прислали к нам новым командиром батальона генеральского сына. Типичного, настоящего сына. Ну..., все офицеры и прапорщики батальона на дыбы... Раз бастовать нельзя, устроим итальянскую забастовку – будем ходить на службу, говорить «Есть! Так точно!», брать под козырёк и ни хрена не делать. Но ничего не получилось – жалко было заваливать из-за какого-то гавнюка авторитет батальона... Он на службу только ходит и ни хрена не делает. Вот такие дела... Никакого интереса служить не стало....

На следующий день пришёл комбриг. Бывший комбриг, так как он поступил в академию генерального штаба. Тоже достал коньяк, молча налил и также молча выпили: – Ничего не мог сделать, Кирилл. Хоть и генерал я, но генерал, который сидит в дыре. Округ приказал и никуда не деться... Пришёл попрощаться, дела и должность сдал и завтра с семьёй уезжаю в Москву. Спасибо тебе за службу и прости, что не смог отстоять лучшего командира батальона.

Восстановился быстро, последствий у меня никаких не обнаружили, но вердикт медицинской комиссии был однозначен – увольнение из армии по болезни. Как мне шепнул Геннадий Михайлович, председателю комиссии был звонок из округа... Наверно, отец сына!?

Чёрт!!! Но прежде чем уволиться, меня отправили в отпуск за все не отгулянные отпускные, коих набралось больше ста суток. Сделал хорошую отвальную и на все сто суток уехал к родителям в центральную Россию. Отдохнул и под зиму вернулся в часть, для окончательного расчёта. Но проболтался здесь ещё два месяца и, наконец-то распрощавшись с товарищами, ушёл гражданским человеком в родные края.

Приехал, стал искать работу, и вроде бы и были подходящие варианты, но как только узнавали, что я бывший военный, интерес ко мне мигом пропадал. Вот если был бы ментом или ФСБ... со связями там, то другой вопрос. А вот сетевой маркетинг, готов был принять с распростёртыми объятиями, но его я даже на нюх не выносил. После двух месяцев мыканья, устроился, и как будто хорошо, но это было не моё. И решил пока поработать и осмотреться кругом. Так прошла зима, наступило весна и я стал всё больше и больше склоняться к мысли – Как только стукнет ровно год, после госпиталя – А не пройти ли мне вновь мед. комиссию? Чувствовал себя как обычно, никаких последствий не ощущалось. Глядишь и пройду мед. комиссию благополучно, попрошу снять инвалидность и тогда, вполне возможно можно будет подать документы на восстановление в армии. И служить уже в родном городе. Благо тут есть мотострелковая бригада. Батальон мне вряд ли дадут – все должности заняты. А вот замом комбата... Почему бы и нет.

В конце апреля, в городе, случайно столкнулся с Николаем Поздеевым. Вместе поступали в военное училище, там подружились, закончили. Только вот по распределению он попал в весьма неудачное место, из-за чего быстро разочаровался в военной службе и уволился из армии.

Обрадовались друг другу, обнялись. Колька сразу предупредил: – Кирюха, у меня десять минут... и разбегаемся. Встреча у меня с поставщиками...

Оказывается, у него был небольшой, но стабильный, торговый бизнес, с которого он неплохо кормился, да и жил. Обменялись телефонами и договорились перед выходными созво-

ниться, чтобы встретиться в более спокойной обстановке и уже плотно пообщаться. В четверг вечером созвонились и договорились встретиться у него на даче – «Чего мы по кафешкам будем жаться. Давай ко мне на дачу, тут и банька и расслабуха, тем более жена на юга укатила. Пивасики попьём. Вот там и спокойно пообщаемся».

Да.., явно он поскромничал с дачей. Полноценный коттедж, участок чуть ли не с половиной гектара и все остальные приамбары – барбекю, беседки, дорожки. И баньку, банькой не назовёшь. Солидное заведение, в два этажа, где не только моются, но и расслабляются. И мы расслабились и очень качественно. Попили пивка, поговорили за жизнь, попарились, шашлыки-башлыки... И все прочие удовольствия. Спать завалились под утро, а когда проснулись... Колька сразу присосался к пиву и после недолгого колебания я тоже решил кружечку навернуть – А лесом поеду, там ментов нет...

Где кружечка, там вторая, третья... Колька предложил остаться, типа: завтра вместе поедем в город. Но я уже чувствовал – хватит. Погулевал и хватит. Дорогу через лес Колька одобрил, правда предупредил: – ... Как новую дорогу вокруг Барсучьей горы построили, так там больше никто и не ездит, разве что грибники, но дорога нормальная и на своём Тусанчике только так проедешь..., хоть и мокрень стоит. Да ещё с такими колёсами.

Колёса у меня были предметом небольшой гордости. Были, конечно, и родные Туссановские колёса, но часть наша стояла при полигоне и очень часто приходилось ездить по раздолбаным полигонным дорогам и учебным полям. Поэтому, через своего подчинённого прапорщика сумел купить по дешёвке колёса с мощными грунтозацепами и с тех пор мне не страшна любая расхераченная лесная или полевая дорога. Я спокойно проезжал там, где хваленные джипы бессильно буксовали и садились на брюхо.

Действительно, с утра лил приличный дождь, но когда я подъехал к своротку на лесную дорогу, всё-таки задумался. Но если ехать домой по асфальту, то есть риск нарваться на ментов, а от меня прямо разлило пивом. Зато по лесной дороге, срежу путь и мне по асфальту до дома останется три километра, а вот там менты никогда не стояли. Хотя был и третий неплохой вариант – вернуться к Кольке. Но столько пива мои почки точно не пропустят. И так пять км проехал, а вылезал пописать уже два раза. Свернул и поехал в лес. Первые три километра, дорога была приличной, потом становилась всё хуже и хуже, но верная, полноприводная Хундайка с лёгкостью преодолевала все лужи и промоины. Но вскоре пришлось остановиться. Впереди дорога подымалась достаточно круто вверх и на самом верху её пересекала, видать недавно построенная, мощная линия электропередачи, отчего на фоне неба линии казалось совсем низко свисали над дорогой.

– Ха..., проходили, видели обгорелые трупы от пробоя линии передач. Схожу-ка гляну, как там? – Вылез из машины, накинул капюшон на голову и по скользкой дороге пошёл вверх, с удовольствием вдыхая свежий и сырой воздух. Поднялся уже на половину склона и до меня стали доноситься звуки бегущего по толстым алюминиевым кабелям мощного потока электрического тока с характерным потрескиванием. Да и в воздухе просто ощущалось напряжение. Может быть, в сухую погоду был только звук, то вот в такую погоду можно было почувствовать и электрическое напряжение. Здесь ещё опасно не было, но вот на вершине дороги... Чёрт его знает, может быть и пробой. И тогда... Похоронят за счёт государства, с салютом и под гимн России. Может быть, ну его на фуй...? Развернуться, да умотать к Кольке? Ладно..., ещё чуть поднимусь и гляну как там впереди. Прошёл ещё шагов десять и появилось стойкое ощущение – надо заворачивать обратно. Но в тоже время впереди, в метрах пятнадцати, над дорогой появилось какое-то клубящееся, еле заметное сиреневое марево. Вроде бы вот не было... А тут появилось!? Было бы оно белесое... Ну..., тогда посчитав, что это формируется туман, то даже наверно и внимание не обратил. А тут сиреневое. Стало любопытно и сделал вперёд ещё пару шагов – сиреневое марево уплотнилось и стало ярче. Но в тоже время каким-то чувством, почувствовал и нарастание электрического напряжения в воздухе, прямо разли-

того вокруг меня. Осторожно сделал ещё пару коротеньких шажков – марево стало прозрачнее, через которое по идее должна была проглядываться дорога, но там было что-то другое.

– Ни фиги себе, если бы у Кольки на даче неделю пили водку, точно подумал – Белочка пришла. И ни мираж ведь я вижу. Вперёд.., – и шагнул на добрых пять шагов. – Оп-па-на...! Оп-па-наааа...

И было отчего безмерно удивиться. Впереди сиреневое марево разошлось по краям, образовав небольшой проём, чуть-чуть висящий над дорогой... Но самое удивительное, в нём был виден лес, залитый жарким солнцем, хотя вокруг меня стояла хмарь и мокрый лес. И это яркое пятно, гляделась неправдоподобными воротами, куда элементарно хотелось зайти. Но я не пошёл, а стал тихонько пятиться назад и по мере того как отходил от этих призрачных ворот, картинка затягивалась маревом, пока не превратилось в сиреневое облачко.

Так, а если вперёд снова? И пошёл вперёд и по мере приближения, вновь образовалось подобие ворот с яркой картинкой за ними. Бляяаяя...!!!

И что это такое? Если сейчас развернусь и уеду, то потом всю жизнь буду гадать – что это было и жалеть, что не разобрался. И решил..., по-военному – надо разобраться, что это такое. Плюнул на инстинкт самосохранения, который в этот момент почему-то молчал, осторожно приблизился на два метра ко входу, так это я окрестил. Явно от моего приближения, образовались чёткие границы ворот, которые постреливали и потрескивали мелкими искорками. Сами ворота были размером метра на четыре шириной и около двух с половиной высотой. И за ними был лес, летний лес, из которого валил запах крепко нагретой хвои и смолы. Подошёл ещё на метр и попытался, не всовывая головы в ворота, заглянуть за края. Там тоже был лес с кустарником и даже увидел какую-то птицу, улетающую в глубь зарослей. Отошёл чуть назад и обошёл странное образование, которое оказывается совершенно не имело толщины. Его вообще не было видно в ребро и с тылу тоже ничего не было видно. Вернее, я видел ту картинку, если бы шёл вверх по дороге и оглянулся, увидев внизу свою машину. Но вот опять заходя вперёд, я видел манящий вход.

В тот день пробыл там до вечера. Спускался к машине, сидел там и думал. Потом выходил и вновь подымался по дороге вверх и примерно на одном и том же месте вновь открывался вход, но я так и не решился пересечь его границу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.